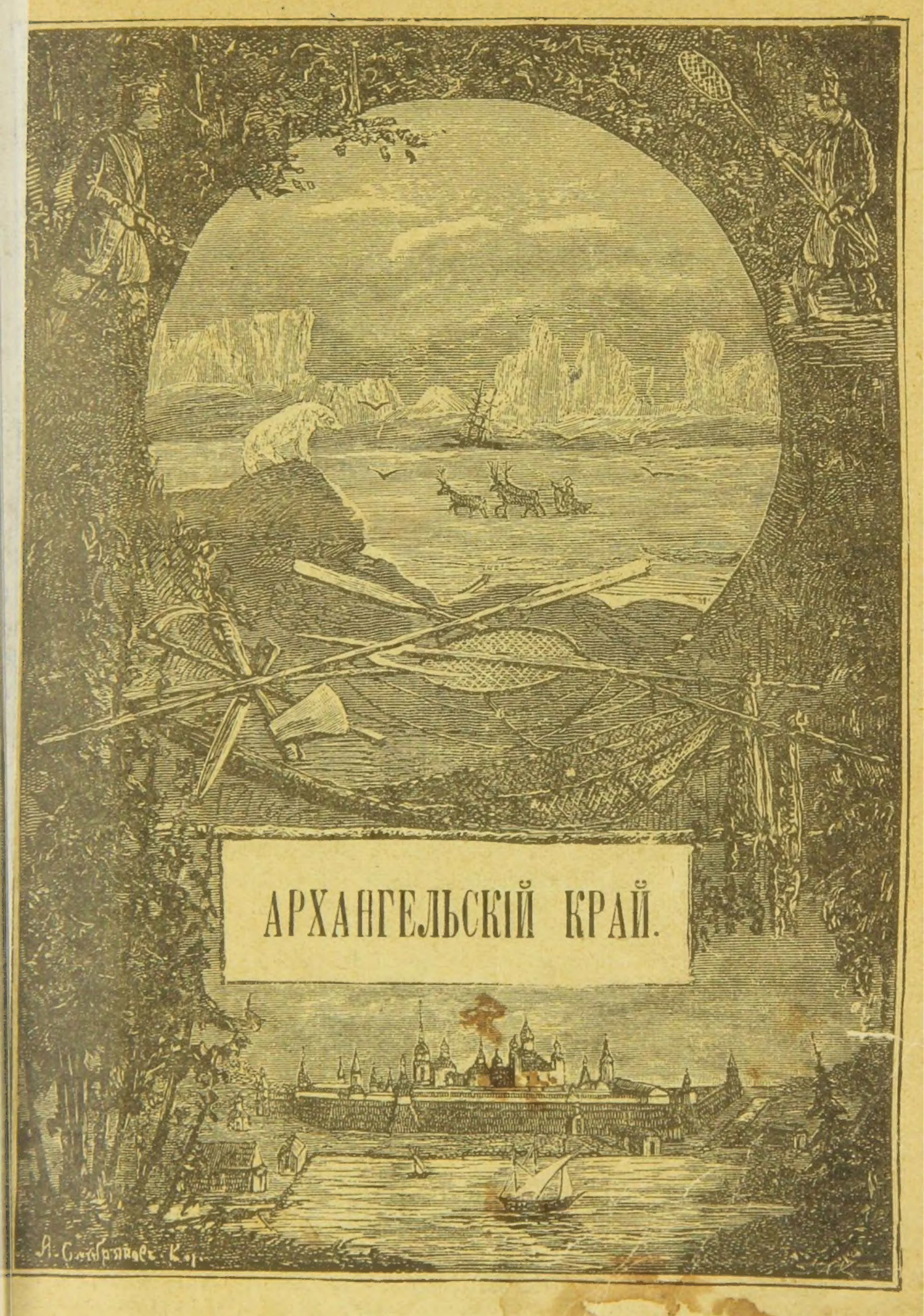

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. ЦѢНА 10 КОП.

ИЗДАНІЯ

учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянно
Коммисіи народныхъ чтеній *).

(С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 14).

I. Отдѣлъ религіозно-нравственный.

Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа 8 к. Церковь Христова со временъ Апостоловъ 15 к. Жизнь Божіей Матери 10 к. О Богослуженіи Православной Церкви 10 к. Великій постъ 8 к. Св. Василій Великій 7 к. Св. Григорій Богословъ 7 к. Св. Іоаннъ Златоустъ 6 к. Жизнь св. Николая Чудотворца 8 к. Житіе преп. Ксенофонта, и супруги его Маріи 8 к. Св. Кириллъ и Меѳодій, просв. Славянъ 8 к. Св. Стефанъ Пермскій 5 к. Св. Митрофанъ Воронежскій 5 к. Св. Димитрій Ростовскій 5 к. Св. Тихонъ 6 к. Святитель Ѳеодосій Углицкій 8 к. Сказаніе о преподобномъ Трифонѣ, просвѣтителѣ лопарей 10 к. Св. Нина, просвѣтительница Грузіи 6 к. Іоаннъ Дамаскинъ 3 к. Отшельникъ (Алексій человѣкъ Божій) 5 к. Преподобный Серафимъ чудотворецъ Саровскій 10 к. Платонъ, митрополитъ Московскій 5 к. О жизни и подвигахъ Иннокентія, митрополита Московскаго 10 к. Исторія Святой земли 12 к. Русскіе богомольцы въ Святой Землѣ 20 к. Русскіе богомольцы на Синаѣ 12 к. Богомольцы у святынь Кіева. Лавра 20 к. Тоже. Старый Кіевъ 10 к. Свято-Троицкая Сергіева лавра 10 к. Святая Почаевская Успенская лавра 8 к. Валаамская обитель 8 к. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь 8 к. Соловецкая обитель 8 к. Новый Іерусалимъ 8 к. Ростовъ Великій и его святыни 15 к. Святыни города Вильны 10 к. Московскій кремль 7 к. Святыни Чернигова 6 к. Оптинскій старецъ Амвросій 7 к.

II. Отдѣлъ историческій.

Начало христіанства на Руси 8 к Сыновья св. Владиміра: свв. Борис и Глѣбъ, Ярославъ 6 к. Владимір Мономахъ и его завѣщаніе 10 к. На шествіе татаръ и князь Михаилъ Твер ской 8 к. Св. Благовѣрный велик князь Александръ Невскій 7 к. О свя тыхъ Московскихъ митрополитахъ Пе трѣ и Алексіи и о Мамаевомъ побоі щѣ 8 к. Иванъ III 10 к. Царь Иван Грозный 10 к. О смутномъ времен на Руси 15 к. Патріархъ Филаретъ 8 Царствованіе Михаила Ѳеодоровича 8 Царствованіе Алексѣя Михайловича 6 Петръ Великій 25 к. О преемникаx Петра Великаго 10 к. Екатерина II В ликая 7 к. О Суворовѣ 7 к. Поте кинъ-Таврическій 8 к. Царствован Императора Александра I. 8 к. Н родная война 1812 года 25 к. Иператоръ Николай I. 12 к. Разск зы о Севастопольцахъ 8 к. О жизі и дѣяніяхъ Императора Александра 20 к. Воспоминаніе о походѣ въ Турц 1877—78 г. 15 к. Царь-Миротворе Александръ III. 7 к. Объ уніатахъ Западной Руси и ихъ возсоединен съ Православною Церковью 15 к. М лость Божія надъ Царемъ 10 к. Св щенное коронованіе Ихъ Императо скихъ Величествъ 5 к. О рукописно дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси 10 Петербургъ за 200 лѣтъ. 15 к. Но городъ Великій 15 к. Крестовые п ходы 15 к. О театрѣ. Два чтен к. Іоанна д'Аркъ 10 к. Христофо Колумбъ 5 к.

---

*) *Изданія Постоянной Коммисіи разрѣшены для народныхъ чтеній и нар ныхъ библіотекъ читаленъ, а также для библіотекъ низшихъ училищъ вѣдомства М нистерства Народнаго Просвѣщенія.* (См. каталогъ Коммисіи).

АРХАНГЕЛЬСКІЙ КРАЙ.

ДВА ЧТЕНІЯ.

Изданіе учрежденой по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Подъ редакціей А. Ѳ. Соколова.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Съ картою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, 4.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Ноября 1904 г

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ исторіи края.

«Архангельскій» край лежитъ на самомъ сѣверѣ Европейской Россіи, прилегаетъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану и называется такъ по городу Архангельску, стоящему при впаденіи Сѣверной Двины въ Бѣлое море. Не гостепріименъ этотъ край по своей природѣ, но много въ немъ богатства въ пушномъ и морскомъ звѣрѣ и рыбѣ. Не мудрено поэтому, что, не смотря на суровый климатъ, онъ манилъ къ себѣ съ давнихъ временъ нашихъ предковъ.

Первыми проникали сюда предпріимчивые новгородцы, еще во времена своей самостоятельности и вѣчевого управленія. Скудная и суровая природа ихъ родины, посылая слишкомъ часто голодные годы, заставила ихъ искать другихъ, сверхъ земледѣлія, занятій. Выгодная торговля пушнымъ звѣремъ завлекла ихъ въ сѣверные дремучіе лѣса. Они селились также по берегамъ рѣкъ, богатыхъ рыбой, строи-

ли слободы и постепенно подвигались дальше на сѣверъ. Ничто ихъ не останавливало: ни зыбучія болота, ни непроходимые лѣса. Мѣстное же населеніе было настолько малочисленно и беззащитно, что не могло оказывать имъ сопротивленія.

Рѣки были ихъ дорогами, а исконное ремесло плотничье пригодилось для постройки судовъ. Увлеченные привольемъ моря и богатствомъ промысловъ, они же первые проникли на крайній сѣверъ Лапландіи и основали тамъ въ 1264 году на берегу Ледовитаго океана самое сѣверное селеніе Архангельской губерніи— *Колу*. Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, Новгородцы завладѣли всѣмъ сѣверомъ и обложили данью кочевавшія тамъ племена. Дань эта состояла изъ дорогихъ шкуръ и доставляла Новгороду большія богатства.

Болѣе 450-ти лѣтъ тому назадъ на пустынный островъ Бѣлаго моря «Соловки» прибыли святые подвижники, преподобные Зосима, Савватій и Германъ. Ихъ богоугодные подвиги привлекли на островъ многихъ набожныхъ людей, и устроили тамъ монастырь *Соловецкій*, обратившій скоро на себя вниманіе благочестивыхъ царей и бояръ. На поминъ души дѣлали они богатые вклады въ этотъ монастырь, дарили ему цѣлыя селенія съ землями и кре-

стьянами. Много и вольныхъ земледѣльцевъ и иныхъ рабочихъ людей записывалось за Соловецкій монастырь, потому что съ иноками имъ легче было сойтись, чѣмъ съ боярами, да и духовное утѣшеніе влекло ихъ труда. Шли на монастырскую работу и «по обѣту», т. е. давъ обѣщаніе при какой нибудь опасности послужить святымъ Зосимѣ и Савватію, если Богъ оставитъ въ живыхъ; а на Бѣломъ морѣ да Ледовитомъ океанѣ смерть грозитъ на каждомъ шагу, поэтому и въ даровыхъ работникахъ изъ мѣстныхъ жителей въ монастырѣ недостатка не было. И съ каждымъ годомъ росли средства монастыря, и сталъ онъ на дальнемъ сѣверѣ богатымъ владѣльцемъ. На свои деньги строилъ онъ тамъ крѣпости (остроги) и содержалъ въ нихъ ратныхъ людей; всю защиту сѣвернаго края отъ недруговъ принялъ монастырь на себя и съ честью выполнялъ эту не легкую обязанность. Велика была ревность монастыря и въ распространеніи вѣры Христовой среди язычниковъ сѣвернаго края.

Въ царствованіе Ивана Грознаго, въ 1553 году, англійское судно, плывшее по Ледовитому океану подъ начальствомъ капитана Ченслера, было занесено бурею въ Двинскую губу Бѣлаго моря. Ченслеръ долженъ былъ здѣсь остановиться и отправился въ Москву, къ царю

на поклонъ. Царь, давно желавшій завести торговыя сношенія съ иностранцами, очень обрадовался пріѣзду англійскаго капитана, обласкалъ его и даровалъ иностранцамъ право свободной безпошлинной торговли съ Россіей. Съ этой поры Двинская земля стала быстро богатѣть. Главнымъ торговымъ городомъ сдѣлались *Холмогоры*. Процвѣтанію его много способствовала близость моря и судоходной рѣки Двины, а также богатство его окрестностей торговымъ матеріаломъ (мѣха, ленъ, пенька и др.). Англичане выстроили тамъ нѣсколько домовъ и завели прядильную фабрику.

Городъ Архангельскъ въ это время еще не существовалъ, а былъ на томъ мѣстѣ только Архангельскій монастырь и близь него выстроенный англичанами гостинный дворъ.

Въ 1584 году вокругъ монастыря и находившихся возлѣ него строеній построена была стѣна, и новый городъ былъ названъ *Архангельскимъ городомъ.* Вскорѣ въ этотъ городъ перешла вся холмогорская торговля. Понаѣхали затѣмъ сюда купцы изъ Москвы, Ярославля и другихъ городовъ; сюда же стали съѣзжаться промышленники съ Мурмана, Терскаго берега и изъ другихъ мѣстъ.

Но особенное значеніе пріобрѣлъ Архангельскъ въ началѣ царствованія Петра Вели-

каго. Этотъ царь понималъ, какъ много пользы можетъ принести Россіи морская торговля съ иностранными государствами, а такъ какъ въ то время Россія владѣла только однимъ Бѣлымъ моремъ и Архангельскъ былъ самымъ важнымъ для торговыхъ сношеній мѣстомъ, то Петръ и обратилъ на него свое вниманіе: уменьшилъ пошлины, даровалъ льготы, началъ заводить на Бѣломъ морѣ торговый флотъ, научилъ народъ постройкѣ кораблей. Появились заводы: лѣсопильные, канатные, желѣзные и другіе. Явились опытные моряки, для обученія которыхъ открыты были школы ремесленныя и морскія. Торговля на Бѣломъ морѣ начала процвѣтать. Ежегодно стало приходить 100—150 кораблей. Цѣнность привознаго и отпускного товара составляла около полутора милліона рублей.

Но когда Петръ Великій отнялъ у шведовъ берега Финскаго залива, и на берегахъ Невы возникъ новый городъ—Петербургъ, то желая усилить торговлю на Балтійскомъ морѣ, Петръ велѣлъ всѣмъ торговцамъ возить двѣ трети товаровъ въ Петербургъ и только одну треть въ Архангельскъ. Съ тѣхъ поръ торговля Архангельска стала падать и жители того края бѣднѣть.

Послѣ смерти Петра до Екатерины II объ Архангельскѣ совсѣмъ было позабыли. Екатерина снова оживила Архангельскій край, даро-

вавъ многія льготы и выгоды тамошнему купечеству. Торговля стала опять расширяться, особенно со времени прорытія соединительныхъ каналовъ по пути отъ Сѣверной Двины къ Волгѣ, когда приволжскія губерніи вошли въ сообщеніе съ краемъ; но прежняго своего значенія она уже никогда не достигала.

Лѣсная полоса.

Если ѣхать въ Архангельскій край съ юга, то прежде всего въѣзжаешь въ обширную лѣсную полосу. Лѣса здѣсь только хвойные: сосна, ель, пихта, лиственница. Лѣса эти, занимающіе необозримыя пространства, поражаютъ своимъ необыкновеннымъ однообразіемъ. Цѣлыя сотни верстъ напримѣръ тянется одна сосна или ель, не мѣшаясь ни съ какимъ другимъ лѣсомъ. Однообразіе лѣса такъ велико, что даже и привыкшіе къ нему крестьяне нерѣдко сбиваются съ пути. Лѣса эти составляютъ главное богатство Архангельскаго края; но, къ сожалѣнію, много добра гибнетъ даромъ отъ лѣсныхъ пожаровъ: не проходитъ рѣшительно ни одного года, чтобы не было большого лѣсного пожара, а тушить его тамъ нѣтъ никакой возможности, какъ по обширности лѣса, такъ

и по отдаленности селеній. Пожары происходять отъ молніи, отъ огня, разложеннаго звѣроловами, отъ выжиганія новины.

Страшно смотрѣть на хвойный лѣсъ, когда онъ горитъ. Пламя волнами хлещетъ отъ одного дерева къ другому, быстро перебѣгаетъ по хвоѣ, обвиваетъ разомъ смолистую кору и стремится все дальше. Дымъ на нѣсколько десятковъ верстъ, какъ черная туча, застилаетъ небо. Несмотря однако на такія опустошенія, лѣсовъ все-таки въ томъ краѣ еще очень много.

Главное занятіе жителей лѣсной полосы — охота. Охота въ этомъ краѣ не забава, не развлеченіе, а тяжелый промыселъ. Гдѣ и чѣмъ заработаетъ себѣ иначе крестьянинъ на хлѣбъ, который здѣсь очень плохо родится? Главнымъ предметомъ промысла служатъ бѣлки, зайцы, медвѣди, олени и рябчики.

Несмотря на обширность лѣсовъ, не всегда однако можно встрѣтить тамъ достаточно добычи. Иной годъ соберется ея много, а то вдругъ совсѣмъ исчезнетъ. Въ одномъ только нѣтъ недостатка у жителей лѣсной полосы — это въ *медвѣдяхъ*. Въ лѣтніе мѣсяцы, когда крестьяне заняты спѣшными полевыми работами и не могутъ охотиться, медвѣди становятся необыкновенно смѣлы и губятъ много скота. Они не прочь также полакомиться ряб-

чиками и потому частенько очищаютъ отъ нихъ силки, поставленные охотниками. Замѣтивъ это, крестьянинъ высматриваетъ тропинку, которая ведетъ къ его силкамъ изъ частаго ельника, и вѣшаетъ на пути крѣпкую веревочную петлю такъ, чтобы нижній конецъ ея не доставалъ до земли вершковъ на 6; другой конецъ петли привязывается къ крѣпкому дереву. Какъ только просунетъ медвѣдь голову въ эту петлю, такъ уже ни за что изъ нея не высвободится, хотя для этого ему стоило бы только сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, но онъ объ этомъ не догадывается.

Главный промыселъ на медвѣдя бываетъ зимой, по преимуществу въ февралѣ, въ то время, какъ снѣгъ уляжется на столько, что можно ходить на лыжахъ. На этотъ промыселъ крестьяне выходятъ всегда съ винтовкой, топоромъ и рогатиной у каждаго.

Розыскавъ берлогу и убѣдившись, что медвѣдь не ушелъ изъ нея, охотникъ вырубаетъ небольшую, кудрявую елку и затѣмъ стрѣляетъ въ маленькое отверстіе, чрезъ которое выходитъ изъ берлоги паръ отъ медвѣдя. Послѣ выстрѣла онъ бросаетъ винтовку, а елку верхушкой впередъ всовываетъ въ отдушину и, схвативъ рогатину, ожидаетъ боя. Пробужденный отъ спячки медвѣдь бросается къ отверстію, но,

наткнувшись на елку, хватаетъ ее и старается втащить къ себѣ. Но чѣмъ болѣе онъ ее втягиваетъ, тѣмъ болѣе елка оказываетъ сопротивленія, задерживаясь крѣпкими сучьями. Взбѣшенный медвѣдь мечется ужасно, и наконецъ показывается его шуба, обсыпанная снѣгомъ. Въ тотъ же мигъ охотникъ вонзаетъ въ него свою рогатину и изо всей силы прижимаетъ его къ землѣ. Охота обыкновенно оканчивается удачно. Съ убитаго медвѣдя тотчасъ же сдираютъ шкуру и снимаютъ сало, употребляемое какъ лекарство въ случаѣ отмораживанія; мясо же оставляютъ на мѣстѣ.

Тяжела охота на медвѣдя, а промыслить *оленя* еще труднѣе. Идя на медвѣдя, крестьянинъ по крайней мѣрѣ знаетъ, сколько времени продлится его отсутствіе. Но идя за оленемъ, на вопросъ: «куда и на долго-ли?» онъ отвѣтитъ: «Богъ вѣсть,—куда поведутъ!» Все зависитъ отъ случая. Однако ни трудности, ни опасности не останавливаютъ охотника, и онъ десятки верстъ преслѣдуетъ оленя, зная, что въ случаѣ удачи обезпечитъ себя и семью свою кускомъ хлѣба.

Охота на оленей обыкновенно бываетъ осенью, какъ только выпадетъ снѣгъ и начнутъ замерзать болота. Охотникъ отправляется въ лѣсъ, розыскиваетъ свѣжіе слѣды оленей и,

отыскавъ ихъ, подкрадывается къ оленямъ какъ можно тише. Олень чутокъ и при малѣйшемъ шумѣ или трескѣ встрепенется и слушаетъ... Послѣ выстрѣла испуганные олени бросаются бѣжать. Суматохой стада пользуется охотникъ и стрѣляетъ въ ближайшаго оленя.

Какъ ни искусны здѣшніе стрѣлки, а по оленю и они даютъ иногда промахъ. Это происходитъ отъ того, что охотнику приходится стрѣлять, пробѣжавъ много верстъ съ ношей за плечами, когда отъ усталости дрожатъ руки и ноги, въ горлѣ пересохло и передъ глазами темные круги.

Чтобы зимой преслѣдовать оленей, надо хорошо ходить на лыжахъ. Оленямъ вездѣ дорога; ихъ не остановитъ ни гора, ни оврагъ; съ крутизны въ нѣсколько саженъ они бросаюся внизъ, не задумываясь. Быстро мчится на своихъ лыжахъ и охотникъ вслѣдъ за убѣгающимъ стадомъ.

Главная охота на лыжахъ начинается въ концѣ февраля и началѣ марта, когда зима дѣлается мягче и слегшійся снѣгъ можетъ поднять человѣка на лыжахъ. Въ это время охотники рѣдко выходятъ на оленей въ одиночку, по большею частью по 2, по 3 и 4; не всѣ также захватываютъ и ружья, часть идетъ съ лопатами, нужными при устройствѣ ночлега и зарыванiи добычи.

Подкравшись къ стаду и выстрѣливъ, пере-

довые охотники сбрасываютъ съ себя котомки, нерѣдко и верхнее платье и безъ оглядки бѣгутъ впередъ за стадомъ. Истомленные долгимъ преслѣдованіемъ, бѣгутъ усталые олени съ высунутыми языками, все ближе и ближе подпуская къ себѣ охотниковъ. Но и преслѣдователямъ не легко: давно уже брошены армяки, а иногда и шапки съ рукавицами; въ однѣхъ сорочкахъ, съ винтовками въ рукахъ и неразлучнымъ топоромъ за поясомъ, гонятся они, пока хватитъ силъ. Часто морозъ доходитъ до 20-ти градусовъ, а рубаха вся мокрая, потъ бѣжитъ ручьями по горячему лицу неутомимаго охотника. Когда силы ослабѣваютъ, охотники сбрасываютъ лыжи и садятся на нихъ отдохнуть.

Успѣхъ охоты много зависитъ отъ погоды. Иногда снѣгъ до того рыхлъ, что по нему невозможно пробираться даже и на лыжахъ; но если случится непродолжительная оттепель и потомъ снова наступитъ морозъ, то самый верхній слой снѣга превращается въ тонкую, хрупкую кору, которая не выдерживаетъ скачущаго оленя, проламывается и своими острыми краями жестоко рѣжетъ его ноги, между тѣмъ какъ на лыжахъ по такому снѣгу идти очень легко.

Луговая полоса.

Самая богатая часть Архангельской губерніи—это ея средняя полоса, орошаемая Двиной и ея притоками. Пробираясь по глухимъ лѣсамъ и топкимъ болотамъ, Сѣверная Двина судоходна на всемъ своемъ 700-верстномъ протяженіи и потому служитъ въ этомъ краѣ наилучшей дорогой къ Бѣлому морю.

Широко разливаясь весной, она оставляетъ много плодороднаго ила, такъ что мѣстами попадаются необыкновенно плодородныя поляны. Земледѣліе однако и въ этой лучшей полосѣ не особенно въ ходу: климатъ здѣсь всетаки слишкомъ суровъ; даже въ самомъ южномъ уѣздѣ, Шенкурскомъ, уже въ сентябрѣ выпадаетъ снѣгъ по колѣно. Но за то здѣсь имѣются отличные заливные луга, дающіе до 180-ти пудовъ сѣна съ десятины. Вслѣдствіе обилія такихъ луговъ жители съ большимъ успѣхомъ занимаются скотоводствомъ. Особенно много луговъ въ Мезенскомъ уѣздѣ; тамъ, даже при самомъ умѣренномъ урожаѣ, каждая семья можетъ запастись сѣномъ на 6 головъ скота.

Петръ Великій замѣтилъ сходство этихъ луговъ съ лугами Голландіи и выписалъ нѣсколько головъ голландскаго скота, который здѣсь отлично развился, и теперь онъ, подъ

именемъ *холмогорскаго*, въ большой цѣнѣ во всей Россіи. Холмогорскій скотъ славится своею молочностью: корова даетъ въ сутки отъ двухъ до трехъ ведеръ молока.

Кромѣ того въ этой-же полосѣ, особенно въ уѣздахъ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ, тянутся обширные лѣса, а Двина со своими притоками даетъ возможность жителямъ сплавлять лѣсъ въ Архангельскъ.

Другая громадная рѣка Архангельской губерніи, Печора, также судоходна, хотя мѣстами и порожиста; но рѣка эта далеко не столько пользы приноситъ краю, какъ Двина,—отъ того, что она не соединена съ внутренними рѣками Россіи и протекаетъ по совершенно пустынной мѣстности. Не видно по ея берегамъ ни пашенъ, ни луговъ, и лишь изрѣдка попадаются довольно людныя деревеньки.

Тундра.

Весь сѣверъ Архангельской губерніи, прилегающій къ Ледовитому океану, представляетъ холодный и негостепріимный край. Частые дожди, глубокіе снѣга, не успѣвающіе вполнѣ растаять даже и лѣтомъ, превратили почву въ сырую, безплодную. Куда ни взглянешь—всюду трясины да зыбуны; кое-гдѣ лишь, какъ рѣд-

кость, виднѣются кочки. Мѣстность эта называется *тундрою*. Ни одно дерево не можетъ здѣсь окрѣпнуть, одни только желтые мхи, сѣрые лишаи, да изрѣдка мелкіе кустарники служатъ нарядомъ для здѣшней печальной природы. Пустынная и безплодная тундра тянется почти по всему сѣверному побережью. Слишкомъ на 1000 верстъ въ длину залегла она здѣсь и на 150 верстъ вошла въ глубь страны.

Лѣтомъ, когда отъ теплыхъ лучей солнца оттаиваютъ мхи и болота, тундра на время оживаетъ: появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ; лосось и осетръ плывутъ въ рѣки метать икру. Но вотъ дни становятся замѣтно короче, солнышко все менѣе застаивается на небѣ, въ воздухѣ чувствуется свѣжесть. Почуявъ приближеніе осени, все пришлое спѣшитъ оставить тундру: лебеди, гуси, гагары летятъ черезъ всю Русь на югъ, лосось и осетръ возвращаются въ открытое море. Верхній слой тундровыхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтнее время, застываетъ, рѣки и озера также замерзаютъ, и все это скрывается подъ снѣжнымъ покровомъ въ сажень вышиной. Тундра становится настоящей пустыней.

Въ половинѣ ноября уже и солнце перестаетъ показываться на небѣ: глубокій мракъ охватываетъ тундру—даже сумерекъ не бываетъ

(напримѣръ въ городѣ Колѣ). Но, къ счастью, не все это время продолжается такая непроглядная тьма. Природа и здѣсь не захотѣла быть вполнѣ мачехой и, чтобы облегчить печальную жизнь во тьмѣ обитателей тундры, посылаетъ имъ иногда въ замѣнъ солнца чудное, величественное «сѣверное сіяніе». Въ тихое, безметельное время, когда полярные холода затягиваются на долго,—стоятъ недѣлю, другую и больше,—въ сѣверной сторонѣ неба начинаютъ играть *сполохи* (сѣверныя сіянія). Въ темномъ облакѣ появляется сперва едва замѣтный проблескъ разсвѣта, потомъ онъ начинаетъ все больше и больше свѣтлѣть и наконецъ мгновенно какъ бы разрывается и превращается въ блестящую дугу. Дуга эта часто отливаетъ синеватымъ или зеленоватымъ цвѣтомъ; свѣтъ ея сверкаетъ и колышется, какъ свѣча, задуваемая вѣтромъ. Такъ продолжается довольно долго, иногда нѣсколько часовъ. Но вотъ свѣтлая дуга сильнѣе заволновалась, расширилась, и мгновенно поднимаются изъ нея словно огненные столпы. Яркій свѣтъ столповъ безпрерывно измѣняется: то они кажутся зелеными, голубыми, то вдругъ становятся красными, огненными. Ослѣпительное сіяніе охватываетъ все большее и большее пространство, и наконецъ все небо начинаетъ какъ бы горѣть. Снѣгъ

покрывается багровымъ, кровавымъ свѣтомъ. Сполохъ горитъ на небѣ иногда во всю ночь и горитъ до того ярко, что можно бываетъ даже читать.

Какъ ни обыкновенно это явленіе въ сѣверномъ краѣ, однако жители при видѣ его всякій разъ чувствуютъ какой-то суевѣрный страхъ. «И привычны мы къ этому самому спо́лоху, говорятъ они, а все-таки больно пугаемся».

Но какъ ни трепещутъ передъ «сіяніемъ» сѣверные жители, однако съ великимъ восторгомъ встрѣчаютъ они этого дорогого гостя, хотя отчасти замѣняющаго скрывшееся солнце. Не будь тамъ спо́лоховъ, просто хоть съ тоски пропадай, а подчасъ пожалуй и съ голоду, такъ какъ пришлось бы всю зиму сидѣть дома—нельзя было бы даже и на промыселъ выйти. А между тѣмъ уже съ октября начинается обычное переселеніе лѣсного звѣря изъ Зауральскихъ странъ въ тундру.

Первыми появляются *горностаи*. Огромными вереницами бѣгутъ они подъ предводительствомъ своего королька (вожака), бѣгутъ прямо на сѣверъ, гдѣ предполагаютъ найти свою любимую пищу—мясную и рыбную—остатки отъ трапезы̀ волка, лисицы и ворона. Всегда голодные, бѣгающіе по тундрѣ горностаи хватаютъ жадно всякій кусочекъ мяса и рыбы, хо-

тя бы кусокъ этотъ былъ и приманкой, положенной на сторожку (дощечку) кулемки (капканъ, ловушка). Наступитъ вожакъ на сторожку, верхній гнетъ опускается и своею тяжестью придавливаетъ его головку. Всѣ другіе горностаи, оставшись безъ предводителя, сначала бѣгутъ кучей, а потомъ разсыпаются въ одиночку. Тогда они легче гибнутъ отъ тѣхъ же ловушекъ, которыхъ понаставлено несмѣтное множество, или становятся добычей кровожадной лисы.

Почти одновременно съ горностаемъ является иногда въ тундрѣ и рѣдкая гостья—*куница*. Вырывъ себѣ нору, звѣрекъ лежитъ тамъ и «уркаетъ» (мѣстное выраженіе), какъ бы выжидая чуткой собаки, которая укажетъ хозяину на это мѣсто. Приходитъ охотникъ, отгребаетъ снѣгъ и начинаетъ стукомъ и крикомъ выпугивать звѣря изъ норки. Куница выскакиваетъ, но тотчасъ же попадаетъ въ сѣти, заранѣе разставленныя кругомъ норы.

Но ни горностай, ни куница не поглощаютъ всего вниманія промышленниковъ: главный предметъ ихъ промысла въ тундрѣ —*песецъ*. Песецъ по виду похожъ на лисицу, съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и маленькими кругловатыми ушами. Шерсть песца свѣтлая. На добычу пе-

сецъ выходитъ всегда одинъ и весьма рѣдко вдвоемъ. Бойко бѣжитъ онъ, поднявъ голову и чутко обнюхивая воздухъ. Почуя опасность, онъ настораживаетъ свои круглыя уши и, дрожа всѣмъ тѣломъ, припадаетъ на снѣгъ. Дѣйствительно изъ рощи приземистыхъ кустарниковъ показывается охотникъ, верхомъ на лошади. Чтобъ не спугнуть звѣрка, охотникъ начинаетъ объѣзжать на лошади кругомъ него, дѣлая видъ, что ѣдетъ мимо, а самъ между тѣмъ постепенно приближается. Звѣрекъ все сидитъ на мѣстѣ и не спускаетъ съ врага своихъ черныхъ глазъ. Примѣтивъ, что охотникъ начинаетъ уже въ него цѣлить изъ ружья, онъ окончательно припадаетъ къ землѣ и закрываетъ мордочку лапками; но крестьяне Архангельской губерніи отличные стрѣлки и ихъ пули не пропадаютъ даромъ.

Не обходятъ также промышленники и *лисицъ*, которыхъ въ тундрѣ несмѣтное множество. Обыкновенно поздней весной, промышленники отыскиваютъ при помощи собакъ лисьи норы, разрываютъ ихъ и забираютъ лисьихъ щенятъ. Въ одной норѣ находятъ иногда до 12-ти щенятъ. Взятыхъ дѣтенышей выращиваютъ въ избахъ, кормя ихъ сначала молокомъ, а потомъ оленьимъ мясомъ и рыбой. Нерѣдко щенята околѣваютъ въ избахъ отъ

чада и духоты; большая часть, однако, доживаетъ въ избѣ до октября. Тогда, если они уже достаточно подросли, ихъ убиваютъ и шкурки за хорошую цѣну сбываютъ на Пинежскую ярмарку.

Въ тундрѣ водится также много *волковъ*, вѣчно голодныхъ хищниковъ, бродящихъ стаями и попарно. На нихъ крестьяне выставляютъ отраву (нарубленное оленье мясо, смѣшанное съ сулемой). Замѣчено, однако, что отраву хватаютъ преимущественно молодые волки, а старые не только не ѣдятъ ея, но предостерегаютъ еще молодыхъ, отгоняя ихъ отъ «привады». Иногда охотники бросаютъ куски мяса около самыхъ жилищъ и съ заряженными ружьями ждутъ появленія волковъ. Сначала къ кускамъ приманки собираются лисицы: онѣ ѣдятъ жадно и часто дерутся, выхватывая другъ у друга куски. Вслѣдъ за лисицами приходятъ волки, которыхъ охотники и стрѣляютъ изъ оконъ жилья. Иногда на приманку собираются такъ много звѣрей, что промышленники въ одинъ вечеръ убиваютъ ихъ гораздо больше, чѣмъ могли бы убить въ цѣлый мѣсяцъ зимняго охотничьяго промысла.

Но и песецъ, и горностай, и лисица—все это временные гости тундры: поживутъ мѣсяцъ, другой, да и опять скорѣе во-свояси, если не

попадутъ подъ пулю охотника. А есть на тундрѣ и постоянные обыватели, это—*олени*. Мохъ, выстилающій ее въ изобиліи, очень нравится оленямъ и служитъ для нихъ лакомою пищею. Зимой, когда мохъ покрытъ толстымъ слоемъ снѣга, олень и тогда его промыслитъ — для этого природа наградила его и чутьемъ, и копытомъ. Панюхивая черезъ толстый пластъ снѣга тѣ мѣста, гдѣ народилось много мху, олень передними копытами разбиваетъ пластъ, разрываетъ снѣгъ, — и такъ сытъ онъ во всю зиму.

Олень,—это краса тундры и въ то же время единственная поддержка и утѣшеніе обитателей. Не водись въ тундрѣ олень, не жили бы тамъ и люди—тундра была бы необитаемой пустыней. Для осѣдлой жизни она однако не годится и потому тамъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ; народы, ее населяющіе, постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто, или какъ говорятъ, «кочуютъ». Въ нашей тундрѣ такихъ бродячихъ народовъ два: лопари и самоѣды.

Лопари.

Лопари принадлежатъ къ финскому племени. Съ давнихъ поръ уже бродятъ они по пустынному Кольскому полуострову, составляющему сѣверо-западную часть Архангель-

ской губерніи. Мѣстожительство свое они мѣняютъ, по крайней мѣрѣ, раза четыре въ годъ; но никогда при этомъ не перевозятъ съ собою жилищъ. Для этой цѣли у нихъ настроены всюду хижины, такъ что куда ни отправится лопарь—къ морю ли, къ озеру ли какому—вездѣ найдетъ онъ свою хижину; а въ случаѣ, если прикочевалъ въ такое мѣсто, гдѣ еще не бывалъ и, значитъ, не обзавелся еще и домкомъ, то тотчасъ-же приступаетъ къ постройкѣ. Часа черезъ два, много три, лопарскій домъ, называемый *вѣжей*, уже совершенно готовъ. Строится онъ изъ жердей, на жерди накидывается хворостъ и пласты дерна, а у верхняго конца жердей оставляется мѣсто для выхода дыма; кромѣ того, съ южной стороны хижины оставляется еще отверстіе для двери. Полъ большею частью земляной, устланный оленьими шкурами; изрѣдка попадается и деревянный. Въ вѣжѣ продѣлываются иногда два—три маленькихъ окошечка.

Въ концѣ апрѣля лопари оставляютъ свои зимнія жилища и отправляются—кто на Мурманскій берегъ, кто на Терскій и Кандалакскій, смотря по тому, какой изъ этихъ береговъ ближе. Сборы лопаря въ путь не длинны: онъ ѣдетъ за сотни верстъ—точно отправляется версты за двѣ. Брать съ собой ему нечего—

въ новой хижинѣ онъ найдетъ все, что можетъ понадобиться. Приведетъ своихъ оленей и запряжетъ ихъ въ каждыя сани по одному, а такъ какъ въ саняхъ помѣщается только одинъ человѣкъ, то весь поѣздъ состоитъ изъ столькихъ экипажей, сколько членовъ въ семействѣ. Ѣдутъ они — не разбирая пути. Для лопаря тамъ и дорога, гдѣ онъ ѣдетъ. Опасаться, что онъ заблудится, нечего—родная пустыня ему такъ же знакома, какъ дла насъ улица своего города. Въ дальнихъ поѣздкахъ лопари не всегда имѣютъ на дорогѣ какой-нибудь пріютъ, чтобы можно было въ немъ обогрѣться и переночевать. Тогда они зарываются въ снѣгъ, закутавшись въ свои теплыя одежды; раскладываютъ также и огонь, — для этого всякій лопарь имѣетъ съ собой непремѣнно огниво. Достигнувъ берега, они принимаются за ловлю трески и палтуса, а въ августѣ, когда пріѣзжаютъ на берегъ торговцы за уловомъ, лопари спѣшатъ промѣнять на привезенные этими торговцами товары все, что успѣли наловить за лѣто и зиму—мѣха оленьи и лисьи, горностая, рыбу, морского звѣря.

Лопарь очень добродушенъ и необыкновенно честенъ. Русскіе промышленники это отлично знаютъ и потому, уходя домой, совершенно спокойно оставляютъ его сторожемъ всего за-

паса на будущую весну. Семь мѣсяцевъ наблюдаетъ лопарь становище за самую ничтожную плату и все въ полной цѣлости передаетъ хозяевамъ, не утаивъ себѣ даже мелочи. А между тѣмъ надзору его ввѣряютъ часто по нѣскольку сотъ пудовъ трески, палтусины и семги.

Главною пищею лопаря служитъ рыба; дичь и оленье мясо они употребляютъ только по праздникамъ. Въ постные дни ѣдятъ квашеныя ягоды, пареную рѣпу и хлѣбъ. Къ хлѣбу нынче всѣ лопари привыкли и очень любятъ его, но такихъ хлѣбовъ, какъ наши они печь не умѣютъ, да и невозможно испечь ихъ на такихъ очагахъ, какіе у лопарей. Они обыкновенно приготовляютъ изъ тѣста тонкія лепешки, которыя и жарятъ на раскаленномъ камнѣ. Бѣдняки примѣшиваютъ къ мукѣ сосновую кору или солому. Кору эту собираютъ весной, сушатъ, трутъ и толкутъ въ ступахъ, выдолбленныхъ въ бревнѣ, и порошокъ этотъ примѣшиваютъ къ мукѣ. Такой хлѣбъ мало питателенъ и неудобоваримъ, и одна только крайняя нужда можетъ заставить прибѣгать къ нему. Ѣдятъ лопари сидя на полу, причемъ приготовленную пищу и хлѣбъ кладутъ на широкую четырехъ-угольную доску.

Вообще жизнь лопаря крайне незатѣйлива, но онъ вполнѣ доволенъ своей судьбой, — одно-

образная жизнь ему по сердцу, такъ какъ онъ страшно лѣнивъ. Кабы не сильная нужда— всю зиму, кажется, проспалъ бы онъ непробуднымъ сномъ. Но голодъ не тетка: не поработаешь—нечего будетъ и ѣсть. Поневолѣ вылѣзетъ лопарь изъ своей вѣжи, подвяжетъ длинныя лыжи, обтянутыя оленьей шерстью, и побѣжитъ за лисицей, за горностаемъ и другими звѣрями въ тѣ мѣста тундры, гдѣ есть хоть кое-какой кустарникъ. Съ изумительной ловкостью вскарабкивается онъ на этихъ лыжахъ на горы и съ поразительной быстротой сбѣгаетъ внизъ— въ долины. Въ этомъ искусствѣ у лопаря нѣтъ соперниковъ.

Изо всѣхъ обитателей тундры лопари охотнѣе другихъ перенимаютъ русскіе обычаи. Уже прошло слишкомъ четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они приняли христіанство отъ преподобнаго Трифона Печенгскаго. Трифонъ былъ сынъ священника; вслѣдствіе склонности къ уединенной жизни онъ удалился изъ Тверской земли въ дикій сѣверный край. Своею добродѣтельною, истинно-христіанскою жизнью онъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе лопарей и расположилъ ихъ къ принятію христіанства. 20 лѣтъ пришлось ему странствовать по жилищамъ идолопоклонниковъ, изучать ихъ языкъ, терпѣть отъ нихъ гоненіе и опять приходить къ

нимъ. Когда, послѣ 20 лѣтнихъ трудовъ св. проповѣдника, значительное число лопарей готово было принять крещеніе, Трифонъ пригласилъ изъ Колы случайно зашедшаго туда іеромонаха, который и окрестилъ новообращенныхъ, а самого Трифона постригъ въ монашество. На рѣкѣ Печенгѣ Трифонъ заложилъ первый въ этомъ краѣ храмъ и при немъ монастырь. Въ 1590 году шведы, дѣлавшіе безпрерывные набѣги на все поморье, раззорили и сожгли монастырь, а всю братію посѣкли мечемъ. Потомъ на этомъ мѣстѣ была выстроена церковь и ежегодно 15-го декабря сюда пріѣзжалъ изъ Колы священникъ. Къ этому дню изъ самыхъ дальнихъ концовъ Лапландіи съѣзжались лопари, которые глубоко чтутъ своего перваго наставника и передаютъ изъ рода въ родъ преданіе о его благочестивой жизни.

И только недавно, въ 1883 году, возникла мысль о возобновленіи древней Печенгской Троицкой обители. И нынѣ (съ 1886 года) древле основанная преподобнымъ Трифономъ обитель вновь украшаетъ пустынный и далекій край.

Корелы.

По сосѣдству съ лопарями, только южнѣе ихъ, живетъ другое племя—корелы. Они за-

нимаютъ весь юго-западъ Кемскаго уѣзда. Природа въ этихъ мѣстахъ значительно богаче лопарской: здѣсь уже попадаются вполнѣ развитые лѣса, а кое-гдѣ можно встрѣтить даже и пажити, засѣянныя ячменемъ. Впрочемъ, для земледѣлія и здѣсь почва еще далеко не удобна. Корелъ сѣетъ хлѣбъ всегда на авось, безъ малѣйшей увѣренности, что будетъ вознагражденъ за труды. У него одна надежда: выдастся іюнь безъ морозныхъ ночей—прокормитъ онъ тогда себя и семью своимъ хлѣбомъ: если же нѣтъ—придется голодать. Земли онъ не запахиваетъ, а объ удобреніи конечно и помину нѣтъ. Выжжетъ себѣ лѣсу сколько ему нужно, не убираетъ ни пней, ни корней—и поле готово. На слѣдующій годъ выжжетъ лѣсъ далѣе, и такъ подвигается въ продолженіи 8-ми лѣтъ, а затѣмъ снова возвращается къ первому полю, которое успѣваетъ за это время порости. Между корелами есть много хорошихъ мастеровъ; особенно славятся они своимъ кузнечнымъ мастерствомъ: всѣ винтовки, которыми бьютъ поморы крупнаго морского звѣря, всѣ ружья, которыми они добываютъ лѣсного звѣря и птицъ, выходятъ изъ корельскихъ кузницъ и отсюда расходятся по всей Архангельской губерніи, даже въ самыя отдаленныя ея мѣста, напримѣръ въ Печерскій край. Ремесло это для

кореловъ очень выгодно, такъ какъ безчисленныя болота ихъ необыкновенно богаты желѣзною рудою. Правильныхъ заводовъ они, однако, не имѣютъ и добытую руду обрабатываютъ въ домашнихъ кузницахъ; тутъ же приготовляютъ они и свои винтовки, топоры, горбуши, словомъ—всѣ желѣзныя вещи, необходимыя для домашняго обихода. Понятно, что все это приготовляется очень грубо: ни одно ружье, напримѣръ, не бьетъ правильно—иное беретъ влѣво, другое вправо, и большею частью отдаетъ такъ сильно въ плечо, что просто съ ногъ валитъ. Поморы, однако, съ этимъ неудобствомъ мирятся: они и съ корельскими ружьями все-таки первые стрѣлки въ Россіи.

Занимаются корелы еще и другимъ промысломъ— судостроеніемъ. Это искусство, также какъ и кузнечное, передается отъ отца къ сыну и составляетъ нѣкотораго рода наслѣдство. Верстахъ въ 15-ти отъ Кеми есть большая деревня Подужемье, въ которой живутъ потомственные судостроители. Къ нимъ-то всегда и обращаются поморы, когда желаютъ строить ладьи, боты или какія другія суда.

Между корелами начала развиваться въ послѣднее время также страсть къ торговлѣ. Скопивъ какъ нибудь немного денегъ, отправляется корелъ на Шунгскую ярмарку (на

границѣ Олонецкой губ.). Закупивъ здѣсь платковъ, ситцевъ, нитокъ, булавокъ, иголокъ и другихъ мелочей, онъ укладываетъ товаръ въ ящикъ, взваливаетъ его на спину и отправляется продавать свои «красные товары». Такого странствующаго торговца можно встрѣтить и въ глуши сѣверной Финляндіи, и даже въ пустыняхъ лапландскихъ. Продавъ весь товаръ, корелъ накупаетъ у финляндскихъ поселянъ шерстяныхъ юпокъ и перепродаетъ ихъ русскимъ поморамъ, а затѣмъ снова отправляется на ярмарку. При счастливомъ ходѣ дѣла онъ скоро такъ наживается, что уже пускается въ болѣе широкую торговлю. Тогда уже онъ не хочетъ самъ разносить свои товары, а нанимаетъ другого, и не довольствуется поѣздкой только на Шунгскую ярмарку, но ѣздитъ даже и въ Москву. Въ домѣ его появляется изобиліе и роскошь; онъ живетъ бариномъ, и умирая, завѣщаетъ своимъ дѣтямъ капиталъ и выгодную торговлю.

Но, къ сожалѣнію, далеко не всѣмъ корелямъ такъ хорошо живется, какъ торговцамъ и ремесленникамъ. Земляки ихъ, не знающіе ни кузнечнаго, ни корабельнаго мастерства и не обладающіе коммерческими способностями, ведутъ въ высшей степени жалкую жизнь. Одни изъ нихъ—земледѣльцы—нерѣдко цѣлыми се-

мействами ходятъ побираться милостыней; другіе-же—становятся рабами богатыхъ поморовъ, имѣющихъ мореходныя суда. Эти бѣдняки нанимаются въ работники (покруты) на поморскія ладьи и за ничтожную плату должны работать на тяжелыхъ морскихъ промыслахъ въ теченіе всего лѣта. Деньги, которыя получитъ за это время такой работникъ, составляютъ все его достояніе. Но развѣ достаточно ихъ, чтобы прокормить цѣлый годъ семейство и уплатить подати? Конечно нѣтъ, и потому поневолѣ бѣднякъ обращается къ своему хозяину, чтобы тотъ ссудилъ его деньгами или хлѣбомъ, въ счетъ будущей работы. Съ каждымъ годомъ бѣднякъ увеличиваетъ все болѣе и болѣе свой долгъ новыми займами и доходитъ до того, что дѣлается вѣчнымъ батракомъ своего хозяина.

По характеру корелы очень разнятся отъ своихъ собратій лопарей. Въ противоположность ихъ неподвижности и угрюмости, корелы отличаются необыкновенною живостью и безпечностью. Какъ ни гнетъ судьба корела, а онъ все-таки смѣется и посреди самой отчаянной нужды распѣваетъ свои любимыя пѣсни. Поморы, къ которымъ они такъ часто нанимаются въ работники, не нахвалятся ихъ трудолюбіемъ, а также тихимъ и миролюбивымъ нравомъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Самоѣды.

Теперь перейдемъ на другую сторону Бѣлаго моря, въ нашу восточную тундру, гдѣ живетъ бродячее племя—самоѣды.

Самоѣды въ очень давнее время переселились въ нашу пустынную тундру изъ Азіи. Когда именно они совершили это переселеніе—неизвѣстно. Извѣстно только, что пять столѣтій тому назадъ новгородцы проникли въ тундру и приказали самоѣдамъ платить имъ дань. Сперва они являлись къ нимъ только для сбора этой дани и для мѣновой торговли, но съ пятнадцатаго вѣка, когда былъ устроенъ Пустозерскій острогъ (крѣпость), они сами стали селиться въ тундрѣ. Съ этихъ поръ начинается притѣсненіе самоѣдовъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, при устьѣ рѣки Ижмы (притокъ Печоры) появилось еще новое селеніе—Зырянское. Позавидовали зыряне благосостоянію полудикихъ обитателей тундры и еще пуще русскихъ

стали тѣснить ихъ. Пойдетъ-ли самоѣдъ звѣрей ловить или рыбу—оттуда гонятъ его; придетъ-ли на кочевье—тамъ уже вытоптанъ мохъ. Словомъ, куда ни сунется, куда ни обернется бѣдный самоѣдъ, повсюду его гнали вновь появившіеся владѣльцы тундры; поневолѣ у него годъ отъ году былъ недочетъ въ стадѣ, а нужда все болѣе и болѣе пришибала его. Много возмутительныхъ преступленій совершено было въ этой борьбѣ сильнаго со слабымъ, но всѣ они оставались безнаказанными, такъ какъ кому-же было судить въ такой глухой пустынѣ.

Чтобы легче было обманывать простоватыхъ самоѣдовъ, хитрые промышленники познакомили ихъ со спиртными напитками. Водка такъ полюбилась самоѣдамъ, что они съ тѣхъ поръ пропиваютъ все, что добываютъ звѣринымъ промысломъ. На вырученныя отъ продажи мѣховъ деньги не всѣ даже запасаются мукой. Большинство довольствуется однимъ оленьимъ мясомъ и рыбой. Водку же пьютъ всѣ безъ исключенія—и мужчины и женщины.

Съ бочкой вина выѣзжаетъ зырянинъ въ тѣ мѣста тундры, гдѣ самоѣды ставятъ капканы на волковъ, лисицъ, горностаевъ и проч. Со льстивою рѣчью, почетнымъ поклономъ и добрыми пожеланіями входитъ онъ въ шалашъ самоѣда, преимущественно богатаго. Самоѣдъ

радъ гостю, сажаетъ его поближе къ огоньку, спрашиваетъ согласія заколоть оленя, чтобы угостить его теплой печенкой. Зырянинъ благодаритъ и предупреждаетъ своимъ угощеніемъ вытаскивая изъ рукава полуштофъ водки, сильно разбавленной водой. У самоѣда и глаза заискрятся при видѣ вина. Когда полуштофъ осушенъ, самоѣдъ поглядываетъ съ замираніемъ, не вытащитъ-ли гость еще другой. Но зырянинъ сидитъ, улыбается и выжидаетъ своей поры. Наконецъ предлагаетъ онъ принести и еще штофъ, но только уже за деньги. За вторымъ появляется третій и т. д. Подпаивая добродушныхъ дикарей, зыряне выманиваютъ у нихъ за безцѣнокъ самыя дорогія и хорошія шкуры. При помощи водки они большую часть самоѣдовъ превратили въ своихъ батраковъ. Прежде зыряне нанимались въ пастухи къ богачамъ самоѣдамъ, а теперь бывшіе богачи живутъ въ пастухахъ у зырянъ.

Судя по названію можно было-бы принять самоѣдовъ за людоѣдовъ, но нѣтъ ни одного случая, ни одного свидѣтельства, которое бы это подтверждало. Сами-же себя они называютъ «Ненецъ», т. е. человѣкъ. По наружности самоѣдъ очень не казистъ: онъ небольшого роста, голова покрыта черными лоснящимися волосами, широкое, почти плоское ли-

съ выдающимися скулами, широкій, приплюснутый носъ и очень маленькіе глаза. При этомъ онъ имѣетъ красновато-желтый цвѣтъ лица и почти всегда изуродованъ оспой. Самоѣды—народъ полудикій, кочевой, съ удобствами осѣдлой жизни совсѣмъ не знакомый. У рѣчки или озера раскидываетъ самоѣдъ свой *чумъ*—жилище, похожее на лопарскую вѣжу. Она также устраивается изъ жердей, но покрывается оленьими шкурами, менѣе прочна и не такъ велика. Въ чу́мѣ можно только сидѣть; вставая же, надо непремѣнно наклонять голову, иначе придется удариться о наклонныя стѣны. Посреди чу̀ма вырывается яма и надъ ней на перекладинахъ кладется желѣзный листъ, на которомъ постоянно горитъ хворостъ. Какъ ни убого это жилище, но самоѣдъ имъ совершенно доволенъ и не видитъ въ немъ никакихъ неудобствъ. Бывали, напримѣръ, такіе случаи: самоѣда приглашаютъ изъ состраданія переночевать въ теплой русской избѣ, и что-же?—среди ночи онъ поднимается и ложится спать на морозѣ, зарывшись въ снѣгу. Холодный чумъ ему любезнѣе нашей теплой хаты, да и по устройству своему онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ его кочевой жизни. Въ этомъ отношеніи нельзя придумать жилища болѣе удобнаго, какъ чумъ. Настанетъ пора перекочевать въ другое мѣсто—уклады-

ваетъ самоѣдъ свои пожитки и съѣстные припасы, снимаетъ съ чума оленьи шкуры, разбираетъ жерди—и черезъ полчаса остается лишь вытоптанный кругъ, гдѣ стоялъ шалашъ.

Мѣсто своего кочевья самоѣдъ мѣняетъ очень часто: то онъ уходитъ къ морскимъ берегамъ, то удаляется въ глубь тундры. Правильнаго кочевья у него однако нѣтъ— онъ даже не можетъ назначить, сколько времени пробудетъ тамъ, куда пришелъ. Въ этомъ случаѣ онъ совершенно зависитъ отъ своихъ оленей. Когда стадо поѣстъ весь мохъ, самоѣдъ долженъ немедленно переселятся, иначе оленей ничѣмъ не удержишь на этомъ мѣстѣ.

Передъ отъѣздомъ онъ выпускаетъ своихъ собакъ и особымъ крикомъ приказываетъ имъ загонять оленей. Черезъ полчаса все стадо собирается около чумовъ. Самоѣдъ, забрасывая на рога петли, ловитъ столько оленей, сколько ему нужно для упряжи. Между тѣмъ хлопотливая самоѣдка уже сняла чумъ и вмѣстѣ съ остальнымъ скарбомъ уложила его на сани. Остается только запречь оленей. Въ каждыя сани, смотря по тяжести, запрягаютъ по 3—4, и даже по 6-ти оленей. Сани самоѣда очень просты и легки. Особенно важно послѣднее качество, такъ какъ сани служатъ и зиму и лѣто. По мхамъ и болотамъ невозможно ѣздить на

колесахъ, а сани скользятъ и, что самое главное, не тонутъ и не вязнутъ. Лѣтомъ, встрѣчая на пути рѣку, самоѣдъ преспокойно пускаетъ оленей въ воду и, ставши на сани, ѣдетъ на оленяхъ и по рѣкѣ.

Прибывъ на избранное мѣсто, самоѣдъ распускаетъ оленей, собираетъ чумъ и, если есть что пообѣдать, то ложится отдыхать, а если нѣтъ, то беретъ винтовку и отправляется на охоту.

Одежда самоѣда, также какъ и лопаря, состоитъ изъ мѣшка, сшитаго изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ: это—*малица*. Въ сильные холода и въ дорогѣ самоѣдъ сверхъ малицы надѣваетъ еще другой такой-же мѣшокъ, только шерстью вверхъ.

Несмотря на постоянныя притѣсненія, самоѣды сохранили добродушіе и необыкновенное гостепріимство. Въ знакъ особаго вниманія къ гостямъ они обыкновенно выбираютъ самаго лучшаго оленя, приводятъ его къ чуму и убиваютъ однимъ ударомъ ножа въ голову. Затѣмъ снимаютъ съ бока убитаго оленя часть шкуры, вырѣзаютъ нѣсколько реберъ и вынимаютъ внутренности. Когда эти приготовленія окончены, приступаютъ къ обѣду. Хозяинъ отрѣзаетъ кусокъ мяса, опускаетъ его въ теплую кровь и ѣстъ: затѣмъ приглашаются гости, по-

слѣ нихъ подходятъ по очереди всѣ члены семейства и сосѣди.

Всѣ самоѣды вѣрятъ въ загробную жизнь, но думаютъ, что она подобна здѣшней. Умершій лежитъ въ чумѣ два дня, укутанный оленьими шкурами. Когда соберутся родственники, тѣло выносятъ, но не въ обыкновенную дверь, а въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ, противъ которой лежалъ умершій. Его кладутъ на сани, запряженныя любимыми оленями, и везутъ въ лѣсъ, гдѣ похоронены его родственники. Тѣло опускаютъ въ могилу, засыпаютъ землею и, при громкихъ крикахъ, убиваютъ одного изъ оленей, привезшихъ покойнаго, и тутъ-же съѣдаютъ его; этимъ и кончается церемонія. Въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ его одежды, чашки, ложки, ружье, сани и прочія принадлежности. Чумъ, въ которомъ былъ покойникъ, непремѣнно переносится на другое мѣсто.

Лѣтъ около ста тому назадъ всѣ самоѣды были язычники, но теперь они въ большинствѣ христіане, и у нихъ есть даже нѣсколько постоянныхъ церквей, тамъ, гдѣ они сидятъ попрочнѣе. Но во всякомъ случаѣ они еще крѣпко держатся язычества, въ особенности въ глухой тундрѣ.

По понятію самоѣдовъ-язычниковъ всѣмъ міромъ управляетъ высшее существо—*Нумъ*

(Богъ), недоступное для взоровъ грѣшныхъ людей. Нумъ очень милостивъ и любитъ людей. Кромѣ Нума есть у нихъ еще и злые духи — *тадебціи*, которые постоянно стараются дѣлать зло людямъ. Посредниками между ними и народомъ служатъ нѣкоторые избранники, называемые *тадибе*. Въ «тадибе» обыкновенно попадаютъ тѣ изъ дикарей, кто посмышленнѣе да поплутоватѣе. Это тоже, что и наши деревенскіе плуты-колдуны. Вся ихъ наука — умѣть ловко обмануть простодушнаго, суевѣрнаго самоѣда. Съ малыхъ лѣтъ учатся они бить на барабанѣ, дѣлать фокусы, читать непонятныя слова, кричать на разные звѣриные голоса. Всѣ тадибе умѣютъ кое-какъ лѣчить и охотно даютъ совѣты во всѣхъ несчастіяхъ и неудачахъ жизни; но ни за лѣченье, ни за молитву они безъ фокусовъ и заклинаній не принимаются. Самоѣдъ вѣритъ, что если кто-нибудь заболѣлъ, или скотъ начинаетъ падать, то это непремѣнно сотворилъ злой духъ и его надо выгнать. Русскому лѣкарю этого не сдѣлать. — думаетъ онъ, — одинъ только тадибе можетъ побѣдить злого духа. А хитрому и ловкому тадибе это и на руку. Явившись по приглашенію въ чумъ, онъ прежде всего принимается изо всей силы бить въ барабанъ и страшно кричать. Кричитъ такъ

долго, что наконецъ у него изо рта показывается пѣна, глаза наливаются кровью, и самъ онъ нерѣдко падаетъ отъ изнеможенія. Старые и опытные тадибе часто продѣлываютъ еще при этомъ различные фокусы: хватаютъ, напримѣръ, голыми руками и лижутъ языкомъ раскаленное желѣзо, выворачиваютъ себѣ суставы на рукахъ и на ногахъ, словомъ дѣлаютъ то, что и обыкновенные фокусники; но дикари не понимаютъ, что это только ловкія штуки, и платятъ за нихъ очень дорого.

Кромѣ Нума и тадебціевъ есть у самоѣдовъ еще и второстепенные боги—«хеги». Это какія-нибудь особенныя деревья, каменья и пр. Найдетъ, напримѣръ, самоѣдъ какую рѣдкость и сейчасъ производитъ ее въ боги, обвѣшаетъ пестрыми тряпками, положитъ въ сани и таскаетъ всюду, куда ни отправится. А иной разъ и самъ вырѣжетъ изъ дерева какую-нибудь чурку на подобіе человѣческой фигуры и носитъ ее за пазухой. Такихъ-же идоловъ ставятъ они тамъ, гдѣ собираются для промысла звѣрей и ловли рыбы. При счастливомъ исходѣ они мажутъ имъ рты кровью, пихаютъ въ ротъ кусочки оленьяго мяса. Въ случаѣ же неудачи—не только ничего не даютъ, но еще бьютъ ихъ, какъ недѣйствительныхъ боговъ, и вмѣсто нихъ вырѣзаютъ новыхъ.

Обращаясь къ Нуму или хегу, самоѣдъ непремѣнно долженъ принести жертву, что совершается такимъ образомъ: животное сначала удавливаютъ, потомъ отрубятъ ему голову и втыкаютъ на колъ, обращая мордой на востокъ или западъ. Мясо тутъ-же съѣдается сырое.

Въ настоящее время христіанство все болѣе и болѣе распространяется между самоѣдами и многія мѣста уже совершенно очищены отъ идоловъ.

Что касается семейной жизни самоѣдовъ, то въ ней мало утѣшительнаго. У нихъ, какъ и у всѣхъ грубыхъ народовъ, гдѣ уважается лишь одна сила, мужъ властвуетъ, а жена—безотвѣтная раба, за которою признается только одно право—работа. И дѣйствительно, это—неутомимая труженица. Съ ранняго утра и до глубокой ночи самоѣдка не имѣетъ ни минуты покоя: она и въ домѣ по хозяйству—печетъ, стряпаетъ, убираетъ; она-же няньчитъ ребятишекъ, цѣлые дни таская ихъ всюду съ собой: она-же обшиваетъ всѣхъ съ мала до велика, собираетъ и разбираетъ чумъ и пр. А мужъ между тѣмъ лежитъ себѣ въ чумѣ большую часть дня и ничего не хочетъ дѣлать. Положеніе женщинъ въ самоѣдской семьѣ стало впрочемъ улучшаться съ тѣхъ поръ, какъ начало между ними распространяться христіанство.

Ледовитый океанъ.

Подвигаясь черезъ тундру далѣе къ сѣверу, мы достигнемъ береговъ суроваго и малодоступнаго океана, называемаго «Ледовитымъ»; названіе это получилъ онъ потому, что большую часть года покрытъ плавающими льдами. У береговъ Сибири Ледовитый океанъ мало доступенъ для плаванія; у европейскихъ же береговъ становится совершенно открытымъ и чистымъ мѣсяца на два съ половиной или на три. И этимъ мы обязаны пустынному и, на первый взглядъ, совсѣмъ безполезному острову «Новая Земля»: какъ каменная стѣна стоитъ онъ на пути несущихся съ сѣверо-востока льдовъ и удерживаетъ большую часть ихъ отъ дальнѣйшаго странствованія къ нашимъ берегамъ. Не будь этого острова, нельзя было-бы вовсе плавать ни по Ледовитому океану, ни по Бѣлому морю—зиму и лѣто были бы они полны льдовъ. Однако и въ Архангельскомъ краѣ уже съ сентября мѣсяца береговыя окраины подергиваются широкимъ ледянымъ покровомъ или, какъ тамъ называютъ, ледянымъ *припаемъ*, а въ самомъ океанѣ появляется такъ называемое «сало», т. е ледяныя иглы, дѣлающія воду матовой, какъ-бы «засаленной». Иглы, смерзаясь, образуютъ громадныя угловатыя льдины,

сажени въ полторы длиной, зовущіяся «блинами». Блины, въ свою очередь, все болѣе намерзая, переходятъ въ ледяные острова, и даже ледяныя поля, величиною въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ. Кромѣ того изъ полярныхъ странъ приносятся къ берегамъ сѣверо-восточными вѣтрами цѣлыя ледяныя горы. Горы эти нерѣдко садятся на мель, или задерживаются подводными скалами, и такъ остаются иногда на нѣсколько лѣтъ. Однажды мореплаватели измѣрили одну изъ встрѣтившихся имъ ледяныхъ горъ и оказалось, что она выходила изъ воды на 7 саженъ, а въ водѣ сидѣла на глубинѣ 60-ти саженъ.

Въ ноябрѣ льды почти сплошь покрываютъ океанъ. Покажется полая вода, точно окно среди льдинъ, и снова все задвинется на нѣкоторое время. Страшныя бури не унимаются во всю зиму. Нѣсколько недѣль стоитъ ночь безъ разсвѣта,—только мѣсяцъ, звѣзды да яркое сѣверное сіяніе освѣщаютъ эту страшную безлюдную картину. О плаваніи въ это время конечно, и думать нечего. Но наступаетъ апрѣль. Прибрежные припаи и ледяныя горы отчасти уходятъ вдаль, отчасти таютъ подъ вліяніемъ теплыхъ южныхъ вѣтровъ и солнечныхъ лучей. Бѣломорское горло (проливъ, соединяющій Ледовитый океанъ съ Бѣлымъ

моремъ) переполняется льдомъ, съ неудержимой силой рвущимся изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ. Горе тому раннему судну, которое наталкивается на эти плывущія громады—отъ него не останется ни одной щепки. Въ маѣ, а иногда даже и іюнѣ, еще двигаются громадныя льдины, и во время бурь, когда море точно борется съ ними, положеніе мореплавателей становится ужаснымъ: корабли и китоловныя суда не разъ были уносимы такимъ плавучимъ льдомъ далеко въ открытое море.

Встрѣчаясь съ ледяными горами, моряки никогда не подходятъ къ нимъ ближе какъ на версту, да и то съ подвѣтряной стороны, изъ боязни удариться объ эти страшилища. Если же не удастся замѣтить во время—тогда бѣда: не избѣжать гибели. Впрочемъ отдѣльныя ледяныя горы рѣдко бываютъ опасны, онѣ могутъ быть даже полезны мореходу, такъ какъ движутся очень медленно и подъ ихъ защитой китолову не страшны мелкія плавучія льдины, быстро носящіяся во время бури.

Помимо льда, особенно опасно мѣсто при входѣ въ Бѣлое море, около Святого Носа. Святой Носъ для мореходовъ—мѣсто суевѣрнаго ужаса. Ни одинъ поморъ не проходитъ мимо него, не творя молитвы св. Варлааму

(мѣстному покровителю), не призывая на помощь преподобныхъ Зосиму и Савватія Соловецкихъ. И дѣйствительно, нигдѣ нѣтъ столькихъ крушеній, нигдѣ суда и даже пароходы не подвергаются столькимъ опасностямъ, какъ здѣсь. Даже въ самую благопріятную погоду судно тутъ едва можетъ выбиться изъ толчеи: оно дрожитъ, качаетъ во всѣ стороны, не слушаетъ ни руля, ни веселъ. Крутыя волны то и дѣло заплескиваютъ бортъ и нерѣдко выбиваютъ весла изъ рукъ гребцовъ. Происходитъ это отъ того, что два противоположныя теченія—приливъ, идущій изъ океана къ Архангельску, и возвращающійся оттуда отливъ встрѣчаются здѣсь и образуютъ такъ называемую толчею—водоворотъ.

Морскіе промыслы.

Сурово и опасно Бѣлое море, а еще того больше Ледовитый океанъ,—но служатъ они великую службу мѣстному населенію, которое и любитъ, и благословляетъ ихъ. Въ сѣверномъ краѣ Архангельской губерніи почти совсѣмъ не сѣютъ хлѣба. Поздняя весна, раннія осенніе морозы, холодные вѣтры, туманы и дожди не даютъ зерну ходу. Какъ уродится самъ-другъ, либо самъ-третей, такъ и благо-

дари Господа, а часто бываетъ, что и зерна не вернутъ. Обсѣменяютъ поля больше ячменемъ, такъ какъ по краткости лѣта одинъ только ячмень и успѣваетъ созрѣть. Совсѣмъ-бы пришлось обнищать тѣмъ, кто засѣлъ на такихъ безплодныхъ мѣстахъ, если-бы не студеное Бѣлое море, да не Сѣверный Ледовитый океанъ. Кормитъ и богатитъ Архангельца море-океанъ: много въ немъ всякой рыбы, всякаго «сальнаго» звѣря. Морская глубина еще лучше родной нивы даетъ урожай, никогда не оскудѣваетъ и не бѣднѣетъ. Это богатѣйшая пашня, которую никогда не надо засѣвать, а ежедневно можно пожинать. Крестьяне-поморы сами говорятъ: «У нашего народа одна забота: гляди ты на море, полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной—хорошо будетъ: море вездѣ съ рыбой, вездѣ съ добычей».

Самымъ главнымъ и выгоднымъ мѣстомъ для морскихъ промысловъ считаются воды океана близъ *Мурманскаго* берега, на сѣверѣ Кольскаго полуострова. Мурманскій берегъ—совершенно пустынный и дикій. Обнаженныя гранитныя горы, раскинувшіяся верстъ на 300, какъ стѣной обнимаютъ здѣсь океанъ, который часто вдается заливами въ берегъ. У болѣе закрытыхъ отъ вѣтровъ заливовъ настроены *становища* поморскихъ крестьянъ—такъ назы-

ваются избушки, кое-какъ сколоченныя изъ дряблаго лѣса, съ боковъ и сверху обсыпанныя пескомъ. Въ каждомъ становищѣ считается такихъ избушекъ пять, шесть, а всѣхъ становъ по берегу будетъ до 20-ти. Съ половины августа до апрѣля въ нихъ никто не живетъ. Изрѣдка только, раза 2—3 во всю осень и зиму, навѣщаютъ ихъ лопари ближайшихъ погостовъ, чтобы посмотрѣть, все-ли тамъ цѣло изъ того, что оставлено поморскими промышленниками подъ ихъ надзоръ.

Рыбный промыселъ на Мурманскомъ берегу съ незапамятныхъ временъ былъ главнымъ занятіемъ жителей приморской части Архангельской губерніи. Возможность богатаго улова, способнаго вознаградить всѣ труды и лишенія, привлекаетъ сюда все прибрежное населеніе уѣздовъ Кемскаго, Онежскаго и отчасти Мезенскаго.

Въ концѣ февраля, когда суровая Архангельская зима начинаетъ слабѣть, поморскіе крестьяне уже подумываютъ, что недалеко и до Евдокіи *), что скоро настанетъ часъ и въ дальній путь снаряжаться. Въ каждомъ селѣ непремѣнно найдется нѣсколько богачей, которые начинаютъ «*обряжать покрутъ*», т. е. нанимать работниковъ для ловли рыбы на

*) 1-го марта.

дальнемъ Мурманскомъ берегу. Наймутся работники, соберутъ свою скудную одежду, напекутъ на дорогу хлѣба и придутъ по старому обычаю «*заручиться* хозяиномъ», т.-е. пообѣдать у него на прощанье. А на другой день послѣ пира—въ дальній путь-дорогу.

Помолятся промышленники на свою приходскую церковь, пожелаютъ односельчанамъ «счастливо оставаться» и двинутся цѣлой толпой, затянувъ длинную и печальную пѣсню:

Ужь и гдѣ, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротать?
Будемъ день дневать въ чистомъ полѣ,
Ночь коротать во сыромъ бору:
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьице—зло кореньице,
Одѣяльшко—вѣтры буйные,
Покрывальшко—снѣги бѣлые,
Обмываньице—частый дождичекъ,
Утираньице—шелкова трава...

. . . .

. . . .

Терпѣливо переносятъ промышленники свое тяжелое странствованіе по безлюднымъ снѣговымъ пустынямъ. А круто приходится имъ, особенно тѣмъ, кто по бѣдности долженъ тащиться пѣшкомъ со всѣмъ своимъ скарбомъ. Холодные вѣтры, глубокіе снѣга, длинные пе-

реходы, скудная пища—страшно изнуряютъ путешественниковъ, и многіе изъ нихъ нерѣдко заболѣваютъ во время пути. Еще хорошо, если тихая погода; а какъ завяжется метель (или, какъ ее называютъ мѣстные жители, *хивуса*),— тогда горе путникамъ: снѣгъ носится цѣлыми тучами, ежеминутно грозя засыпать всѣхъ высокимъ снѣжнымъ курганомъ.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля «покручники» достигаютъ наконецъ города *Колы*, который служитъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ промышленниковъ, идущихъ на Мурманъ, а отсюда уже расходятся по становищамъ. Прибывъ на мѣсто, промышленники прежде всего принимаются за очистку своихъ хижинъ и амбаровъ, въ которыхъ убраны ими осенью снасти и съѣстные припасы. Въ это время на Мурманѣ лежитъ еще глубокій снѣгъ, и ледъ не отошелъ отъ береговъ. Недѣли двѣ, а иной разъ и болѣе, нельзя бываетъ приступить къ лову; тогда поневолѣ приходится сидѣть сложа руки въ тѣсныхъ, сырыхъ и душныхъ избахъ. Отъ бездѣйствія и недостатка свѣжей пищи у многихъ развивается *цынга*. Обнаруживается эта болѣзнь прежде всего расположеніемъ ко сну. Спитъ человѣкъ день и ночь, сутки за сутками, а между тѣмъ начинаютъ у него понемногу опухать руки и ноги,

десны размягчаются и покрываются язвами, точащими кровь; потомъ слѣдуетъ кровотеченіе горломъ и кишечнымъ каналомъ, и наконецъ больной умираетъ отъ упадка силъ, удушенія и потери крови. На Мурманскомъ берегу промышленники зорко слѣдятъ другъ за другомъ и если замѣтятъ, что кто-нибудь начинаетъ не во время засыпать, подвязываютъ ему подъ руки шестъ и, несмотря на стоны и мольбы, тащатъ больнаго въ гору, потомъ снова внизъ, и такъ нѣсколько разъ. Хотя этотъ способъ леченія и очень грубъ, но тѣмъ не менѣе при его помощи нерѣдко удается остановить дальнѣйшее развитіе болѣзни, такъ какъ движеніе есть наилучшее средство противъ цынги. Заболѣвающіе это отлично знаютъ, однако стремленіе къ покою и сну такъ сильно овладѣваетъ ими, что изъ боязни подобнаго леченія они прячутся отъ своихъ товарищей.

Но вотъ сошелъ на Мурманѣ снѣгъ, зазеленѣлъ мохъ, ледъ унесло къ сѣверу, прилетѣли чайки, гагары, появилась рыбка «мойва», а за ней и ожидаемые промышленниками *треска и палтусъ*. Эта рыба идетъ вмѣстѣ съ теченіемъ Гольфстремомъ и массами появляется на Мурманѣ. Сперва она держится около западныхъ береговъ, а затѣмъ въ теченіе лѣта постепенно подвигается къ востоку и къ осени

доходитъ до Св. Носа. По мѣрѣ хода рыбы съ запада на востокъ подвигаются и промышленники. Отсюда по временамъ года и по мѣсту производства, Мурманскій промыселъ раздѣляется на три періода: весенній или западный, обыкновенно самый обильный — съ марта по іюль; лѣтній или средній—съ іюля до половины августа, и осенній или восточный — съ половины августа по октябрь. На лѣтній и осенній промыселъ прибываютъ на Мурманъ новые промышленники уже на пароходахъ. Сначала промысла на всемъ берегу начинается оживленная работа. Лодки то и дѣло шныряютъ взадъ и впередъ по океану. Ловлю производятъ обыкновенно *ярусомъ*. Такъ называется очень длинная веревка нерѣдко въ 5—10 верстъ длиною, унизанная шнурками съ рыболовными крючками. Ярусъ бросаютъ отъ берега верстъ на 10—30, и глубина на мѣстѣ лова доходитъ до 100 саженей. Для этого составляется артель въ 4 человѣка (кормщикъ тягельщикъ и весельщики), отправляющаяся на особомъ суднѣ, называемомъ *шнякой*. Черезъ каждые 6 часовъ эти-же четверо «трясутъ тряску», т. е. осматриваютъ и убираютъ ярусъ.

Неизбѣжное при такомъ способѣ ловли продолжительное пребываніе въ открытомъ океанѣ, нерѣдко подъ дождемъ и во время бури,

подвергаетъ здоровье и даже жизнь промышленниковъ опасности. Но за то говорятъ, что ловля ярусомъ самая выгодная, такъ какъ при одномъ ярусѣ занято только 4 человѣка а при удачномъ уловѣ можно заразъ добыть до 150-ти пудовъ и болѣе. Ловомъ рыбы на Мурманѣ занимаются ежегодно до 4000 промышленниковъ на 1000 судахъ. Всего ловятъ до 750000 пудовъ на 1/2 милліона рублей.

Кромѣ трески ловятся также сельди и навага. Сельди появляются громадными стадами въ бухтахъ и заливахъ Бѣлаго моря. Самые большіе уловы сельдей производятся близь селенія Сороки, Кемскаго уѣзда. Навага ловится также у береговъ Бѣлаго моря и во всѣхъ устьяхъ рѣкъ. Тутъ же ловится и семга. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Мурманскомъ берегу въ такъ называемой Екатерининской гавани основанъ городъ Александровскъ, куда переведено все уѣздное управленіе изъ Колы. Екатерининская гавань отъ вліянія теплаго теченія Гофстрема замерзаетъ не каждый годъ и невполнѣ. Это дѣлаетъ Екатерининскую гавань удобною для стоянки судовъ, между которыми находится и военное судно, наблюдающее за правильностью улова морской рыбы со стороны нашихъ сосѣдей норвежцевъ. Кромѣ того Александровскъ сталъ исходнымъ пунктомъ экспеди-

цій, отправляемыхъ для изслѣдованія ледовитаго океана.

Къ августу мѣсяцу Мурманскіе промышленники успѣваютъ наловить и насолить рыбы достаточно для того, чтобы часть оставить для будущей весны, а остальною частью нагрузить *раншину* (плоскодонное судно съ двумя мачтами) и везти треску домой, или ѣхать въ Архангельскъ на ярмарку.

Въ началѣ сентября вся Двина передъ Архангельскою пристанью заставлена судами. Цѣлыя артели поденьщикъ на плотахъ набережной обмываютъ треску отъ грязи, напластавшейся въ грязныхъ мурманскихъ амбарахъ. Народъ снуетъ взадъ и впередъ цѣлыми толпами. Отъ поминутной ѣзды и говора цѣлый день стоитъ неумолкаемый гулъ. Рады архангельцы, что дождались дешеваго, вкуснаго и сытнаго блюда. На расхватъ закупаютъ треску и бѣднякъ, и богачъ. Повезутъ ее и по другимъ городамъ, накормитъ она и тамъ тысячи людей, и вездѣ помянутъ добрымъ словомъ потрудившихся промышленниковъ.

Стрѣльна.

Какъ ни труденъ и ни опасенъ мурманскій промыселъ, а есть у поморовъ еще и другой, болѣе страшный.

Въ глухую зимнюю пору, когда берега Бѣлаго моря покрываются глубокими снѣгами и становятся совершенно пустынными, самые предпріимчивые и незнающіе усталі русскіе промышленники (преимущественно изъ приморскихъ деревень Мезенскаго уѣзда) идутъ на такъ называемую «стрѣльну» — ружейную охоту на «нерьпъ», «морскихъ зайцевъ» и «тевяковъ». Всѣ эти три породы звѣрей—тюленьяго рода, изъ нихъ чаще всего попадается въ Бѣломъ морѣ нерьпа. Уже съ первыми крутыми осенними вѣтрами звѣри эти оставляютъ океанъ и начинаютъ показываться у береговъ Бѣлаго моря. Ихъ влечетъ туда исканіе пищи, а также гонитъ океанскій шумъ и трескъ. На бѣломорской рыбѣ они скоро успѣваютъ откормиться и разжирѣть до того, что даютъ до десяти пудовъ сала. Звѣри эти плаваютъ не стадами, а въ одиночку, поэтому и охота на нихъ не артельная—каждый идетъ самъ по себѣ.

Вскинетъ мезенецъ на спину котомку со съѣстными припасами, возьметъ въ руки ружье да дубинку, лыжи къ ногамъ подвяжетъ, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ и побѣжитъ искать счастья и удачи вдали, иногда верстъ за 300—400 отъ родного крова. Дней черезъ десять мы уже видимъ его въ морѣ, подстере-

гающаго добычу. Недѣли 3—4 проводитъ онъ вдали отъ твердой земли — на льдинахъ и огонь разводитъ, и кашицу варитъ, и спать ложится.

Нерпа часто выползаетъ на льдину понѣжиться и отдохнуть. Для этого, какъ разсказываютъ охотники, она своимъ дыханіемъ продуваетъ во льдинѣ отверстіе. Вылѣзая на поверхность, она непремѣнно ложится рядомъ съ этой прорубью, чтобы въ случаѣ опасности нырнуть въ воду. «Нерпа звѣрь лукавый, — говорятъ промышленники, — не чутка она на носъ, за то беретъ глазомъ. Запримѣтитъ человѣка версты за двѣ и сейчасъ въ воду, а тамъ и лови ее. Приходится значитъ, хитростью брать. Лежитъ нерпа на льдинѣ,—сейчасъ надѣваетъ промышленникъ на голову бѣлую шапку, за спину ружье беретъ, а противъ себя доску держитъ. Напередъ онъ эту доску обольетъ водой и заморозитъ и набьетъ по ней деревянныхъ гвоздиковъ, чтобы снѣгъ держался, и поползетъ на колѣняхъ по льду. Нерпа видитъ доску, да льдиной ее почитаетъ. Начинаетъ тогда промышленникъ стучать, кричать изо всѣхъ силъ, а самъ изъ-за доски поглядываетъ. Нерпа мечется, по сторонамъ бросается, то въ прорубь сунется, опять выскочитъ, ухо къ проруби прикладываетъ, прислуши-

вается, думаетъ—не тамъ-ли что-нибудь шумитъ; потомъ опять замечется; а охотникъ все кричитъ да ружье налаживаетъ. И какъ подползетъ на такое разстояніе, что стрѣлять можно, прямо зарядъ въ голову и пуститъ. Тутъ ей и конецъ». Всѣ мезенцы отличные стрѣлки и промаха не даютъ.

Но не всегда благополучно оканчивается охота. Перехитритъ промышленникъ звѣря, перехитритъ много разъ, да смотритъ—и надъ самимъ бѣда стрясется. Займется онъ нерьпой и забудетъ, гдѣ находится. А тутъ вѣтеръ оторвалъ льдину отъ припая (льда, примерзшаго некрѣпко къ берегу) и понесъ въ открытое море. Съ горяча-то этого и не примѣтитъ промышленникъ, а очнется—только руками всплеснетъ. Прочитаетъ несчастный молитву, помянетъ родителей, коли есть, сродниковъ, знакомыхъ, да такъ и плыветъ, куда вѣтеръ несетъ. Одна надежда—на островъ Моржовецъ, что лежитъ въ 28-ми верстахъ отъ берега, при выходѣ изъ Бѣлаго моря въ открытый океанъ,—куда часто прибываютъ льдины. И если спасется человѣкъ, то ужъ непремѣнно дастъ обѣтъ поработать годъ, либо два, на Соловецкихъ угодниковъ. Часто лѣтомъ можно видѣть тамъ такихъ охотниковъ въ послушническомъ платьѣ, исправляющихъ даромъ самыя

тяжелыя монастырскія работы. А бываетъ, что и въ океанъ уноситъ—тогда погибъ человѣкъ. Тамъ или буря ударитъ льдиной о льдину, разобьетъ ее въ дребезги и потопитъ промышленника: или недѣли двѣ носитъ вѣтеръ по Ледовитому океану, въ безрасвѣтной тьмѣ, при 40 градусахъ мороза,—такъ и замретъ человѣкъ отъ голода и холода!

Узнаютъ и въ деревнѣ нерадостную вѣсть, соберутся міромъ на улицѣ, перекрестятся, скажутъ: «Пошли ему, Господи, царство небесное!», покачаютъ головами, потолкуютъ о бездольѣ погибшаго парня, о тяжеломъ житьѣ у моря и на морскихъ промыслахъ... да туть-же и спросятъ другъ друга: «а что, братцы, кто изъ васъ нонѣ на стрѣльну-то снаряжается?» и, смотришь,—опять найдется нѣсколько удальцовъ, собирающихся въ путь. Таковъ ужь по натурѣ нашъ безстрашный поморъ! «Все равно», думаетъ онъ про себя: «двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать; и гдѣ тебѣ смерть показана, тамъ ты ее и конемъ не объѣдешь. А и то сказать: Господь не безъ милости. Можетъ, все обойдется благополучно— не всѣмъ же такая незадача!»

Новоземельные промыслы.

Въ Ледовитомъ океанѣ, недалеко отъ русскихъ береговъ, лежитъ дикій и пустынный островъ «*Новая Земля*». Волны буйно плещутъ въ его берега, окруженные множествомъ торчащихъ изъ глубины океана утесовъ. Грусть нападаетъ на всякаго при взглядѣ на этотъ обнаженный, безжизненный островъ, гдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустарника. Коротенькое лѣто мелькнетъ и опять уступаетъ мѣсто зимѣ съ ея холодными и снѣжными бурями. Убогая растительность Новой Земли нерѣдко подвергается гибели даже и лѣтомъ: выпадетъ снѣгъ и погубитъ все. Виднѣющіеся по всему берегу могильные кресты указываютъ на непривѣтливость этой страны.

Не взирая на такое негостепріимство этого острова, богатства, скрытыя въ волнахъ, его окружающихъ, привлекаютъ сюда на лѣто многихъ жителей печорскаго и мезенскаго края. Зимовать, однако, на островѣ рѣдко остаются, хотя зимніе промыслы могли бы принести большія выгоды. Случается иногда, что опоздится какъ нибудь артель промышленниковъ — осенніе льды запрутъ обратный путь; тогда уже волей-неволей приходится оставаться на зиму, строить себѣ жилье изъ снѣга и воевать

съ бѣлыми медвѣдями, которыхъ тамъ въ это время показывается множество. Бѣлые медвѣди (по туземному «ошкуи») плаваютъ на прибрежныхъ льдинахъ, гоняются за нерпами и моржами, или хватаютъ рыбу. Выходятъ они и на берегъ отдохнуть-полежать. Промышленники разсказываютъ, что они нерѣдко подходятъ къ самому жилью, и не проходитъ вообще дня, чтобы не показался медвѣдь гдѣ нибудь вблизи жилья.

Самый интересный изъ новоземельныхъ звѣрей, за которымъ главнымъ образомъ и пріѣзжаютъ промышленники, это—*моржъ*. Моржъ—тотъ-же тюлень, только огромныхъ размѣровъ. Длиною онъ бываетъ болѣе двухъ саженъ. Голова у него небольшая, челюсти усажены большими и крѣпкими зубами,—по сторонамъ верхней челюсти выходятъ клыки. У большого моржа пара клыковъ вѣситъ около пуда. Моржи очень лѣнивы. Вскарабкавшись на льдину цѣлымъ семействомъ, они всю осень не оставляютъ ея. Маленькіе моржи, или — какъ ихъ называютъ — «абрашки» тутъ же рѣзвятся со своими старшими братьями «абрамками». Матери иногда учатъ ихъ плавать, бросая въ воду. Въ веселомъ расположеніи духа они заводятъ пѣсни — мычатъ, какъ стадо быковъ, и этотъ ревъ гулко отдается въ прибрежныхъ утесахъ.

Промышленники начинаютъ бить моржей именно въ то время, когда они заберутся на льды, т. е. въ началѣ августа. Чутье у моржа превосходное: если охотники крадутся къ нему по вѣтру, моржъ издали чуетъ ихъ приближеніе и, несмотря на свою лѣнь, тотчасъ-же спѣшитъ укрыться отъ опасности. Поэтому у промышленниковъ правило подкрадываться къ моржу противъ вѣтра и, кромѣ того, такъ тихо и осторожно, чтобы ни малѣйшій шумъ не тревожилъ спокойствія животнаго. Когда вся ватага охотниковъ подойдетъ близко къ моржамъ, то нападаетъ на нихъ мгновенно, съ крикомъ, свистомъ, гамомъ. Оглушенные, испуганные внезапностью, моржи теряютъ присутствіе духа. Промышленникамъ того только и надо; они бьютъ моржей дубинами, колютъ ихъ острыми пиками, или стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей большого калибра, называемыхъ «моржовками». Всѣ эти оружія направляются въ голову моржей или переднія части, такъ какъ это самыя чувствительныя мѣста; а если пуля попадетъ въ туловище, то не сдѣлаетъ никакого вреда моржу, потому что засядетъ или въ кожѣ, или въ слоѣ жира.

Кромѣ ловли звѣрей, поморскіе промышленники занимаются на Новой Землѣ еще и собираніемъ гагачьяго пуха. Птица *гага*— изъ по-

роды дикихъ утокъ — водится въ самыхъ сѣверныхъ странахъ и въ особенности на островахъ Ледовитаго океана. Гаги собираются стаями въ ущельяхъ самыхъ неприступныхъ скалъ, омываемыхъ моремъ. Онѣ садятся на такихъ крутизнахъ, куда человѣку, казалось бы, невозможно даже и забраться. Тамъ онѣ вьютъ гнѣзда, устилая ихъ мягкимъ, нѣжнымъ пухомъ, который выщипываютъ у себя на груди. Пухъ этотъ очень тепелъ и цѣнится въ продажѣ очень дорого.

Гагачій промыселъ сопряженъ съ большими трудностями и опасностями. Чтобы добыть изъ гнѣзда дорогой пухъ, смѣльчаки-охотники взбираются на неприступныя скалы и крутизны, привязываютъ себя веревкой за выступъ скалы и осторожно спускаются по голой скалѣ. Вися надъ пропастью, выбираютъ охотники изъ гнѣзда гагачій пухъ и кладутъ въ корзину, которая прикрѣпляется къ поясу. Бываютъ, разумѣется, и несчастные случаи: оступится какъ-нибудь охотникъ, или веревка оборвется, тогда ужь прощай жизнь—на смерть разобьется бѣднякъ объ острыя скалы!

Опасные промыслы и борьба съ бурнымъ моремъ закалили прибрежныхъ жителей, поморовъ; они стали рѣшительными, отважными. Удаль ихъ вошла въ славу.

Живутъ поморы большею частію въ домахъ

двухъ-этажныхъ. Наверху помѣщается семейство, а внизу кухня и кладовая. Но не вездѣ двухъ-этажный домъ служитъ признакомъ богатства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Пустозерскѣ, такое устройство является просто необходимостью: страшные вѣтры, разгуливающіе тамъ по безлѣсной равнинѣ, наносятъ иной разъ такія глыбы снѣга, что онъ поднимается почти до самой кровли, и будь дома низенькіе — нельзя было бы совсѣмъ изъ нихъ выходить. Ничѣмъ не сдерживаемые порывы вѣтра, особенно со стороны моря и тундры, бываютъ здѣсь такъ сильны, что часто срываютъ крыши съ домовъ и расшатываютъ самые дома. Зимніе морозы свирѣпствуютъ тамъ съ такой силой, что иной разъ нельзя носа показать на улицу. Воздухъ такъ рѣдокъ, что дыханіе спираетъ и кожа вздувается.

Несмотря однако на такой суровый климатъ, архангельскіе поморы съ нимъ совершенно освоились: они очень крѣпки, здоровы. Крестьянинъ въ 60 и даже въ 70 лѣтъ еще ѣздитъ на морскіе промыслы; а вѣдь тамъ надо не мало силы и ловкости. Вообще, случаи долговѣчности у нихъ не рѣдкость.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что всѣ поморы отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Въ какое-бы время ни зашелъ гость,

отчасъ-же появляется на столѣ самоваръ (если емья болѣе или менѣе зажиточна) и угощаютъ сѣмъ, что только есть въ домѣ: «что есть въ печи—на столъ мечи». Проѣзжій или страникъ смѣло можетъ стучаться въ дверь: поморъ никогда ему не откажетъ—напоитъ, накормитъ, проводитъ изъ дому съ просьбой «жаловать напредки» и никогда не возьметъ денегъ Такой ужь у нихъ изстари заведенъ обычай.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩИМЪ ЧТЕНІЯМЪ

(для аудиторій):

Къ первому чтенію:

1) Видъ Колы.
2) Соловецкій монастырь.
3) Царь Иванъ Грозный.
4) Видъ Архангельска.
5) Петръ Великій.
6) Хвойный лѣсъ.
7) Лѣсной пожаръ.
8) Охота на медвѣдя.
9) Звѣроловы на лыжахъ.
10) Видъ рѣки Сѣверной Двины.
11) Холмогорскій скотъ.
12) Видъ тундры.
13) Сѣверное сіяніе.
14) Горностай.
15) Куница.
16) Песецъ.
17) Лисицы.
18) Волки.
19) Сѣверный олень.
20) Лопари.
21) Лопарская вѣжа.
22) Ѣзда на оленяхъ.
23) Преподобный Трифонъ Печенгскій.
24) Трифоно-Печенгск. обитель.
25) Типы кореловъ.

Ко второму чтенію:

1) Типы зырянъ.
2) Типы самоѣдовъ.
3) Самоѣдскій чумъ. Угощеніе.
4) Самоѣдка съ ребенкомъ.
5) Видъ Ледовитаго океана.
6) Святой Носъ.
7) Поморское становище на Мурманскомъ берегу.
8) Промысловая изба, внутренній видъ.
9) Судно-шняка.
10) Нерьпа.
11) Китоловы, уносимые на льдинѣ.
12) Видъ Новой Земли.
13) Могильные кресты на берегу Новой Земли.
14) Бѣлые медвѣди.
15) Моржи.
16) Сборъ гагачьяго пуха.
17) Жилища поморовъ.
18) Типы поморовъ.

При книжномъ складѣ Постоянной Коммисіи открытъ отдѣлъ по подбору, изготовленію и разсылкѣ свѣтовыхъ картинъ для изданныхъ Коммисіей народныхъ чтеній. Картины могутъ быть пріобрѣтаемы непосредственно черезъ Коммисію или у поставщиковъ ея: въ Спб.—*Мастерская учебныхъ пособій, А. Д. Минъ, В. А. Беренштамъ, «Ев. Тиле преемники»*, *В. А. Шпаковской и А. Буркгарда;* въ Москвѣ: *у А. Рейне, С. А. Баранова, Ѳ. Швабе, Поповой и Никитина, Л. М. Соколова, В. М. Переса;* Елисаветградѣ—*П. А. Пашковскаго*, Орлѣ—*Линдестрема*, и Нижнемъ-Новгородѣ—*А. Карелина.*

Складъ принимаетъ на себя посредничество по заказамъ на картины разныхъ мастерскихъ по цѣнамъ этихъ фирмъ.

Картины на стеклѣ въ среднемъ обходятся черныя отъ 40 до 75 к., раскрашенныя отъ 1 р. до 2 р. 50 к. На бумагѣ черныя 20 к., раскрашенныя 25 к.

и повели пытать. Измученнаго страшными истязаніями, митрополита сбросили со стѣны.

Приходилось Астрахани переживать и другія невзгоды. Такъ въ 1655—1656 году Астрахань пострадала отъ сильной чумы. Затѣмъ и сорока лѣтъ не прошло, какъ снова нагрянула та же болѣзнь, и изъ шестнадцати тысячъ астраханцевъ уцѣлѣло менѣе шести. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого въ Астрахани произошелъ пожаръ, истребившій около шестисотъ домовъ.

Въ 1722 г. Астрахань посѣтилъ Петръ Великій. Полагая, что городъ этотъ будетъ служить средоточіемъ огромной торговли со средней Азіей и Индіей, Императоръ устроилъ въ Астрахани портъ и докъ для судовъ, устроилъ шелковичный заводъ, выписалъ лучшіе сорта винограда и развелъ въ Астрахани болѣе 20 виноградныхъ садовъ.

Въ настоящее время Астрахань является важнымъ торговымъ пунктомъ. Главнѣйшими предметами вывоза служатъ: золото, серебро. бумажныя ткани, сахаръ, стекло, холстъ, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, галантерейные товары и соль. Ввозятся черезъ Астрахань: хлопокъ, сушеные фрукты, рисъ, шелкъ и нефть. Въ Астрахани фабрично-заводская промышленность не процвѣтаетъ. Видное мѣсто сре-

ди промысловъ занимаетъ рыбное дѣло и садоводство — особенно разведеніе винограда и огородничество, преимущественно въ окрестностяхъ.

Астраханская губернія по занимаемому ею пространству является одной изъ самыхъ большихъ русскихъ губерній. Губернія эта—степная, и даже маленькіе лѣса въ ней рѣдкость. Тѣмъ не менѣе, главное занятіе жителей не земледѣліе, какъ въ другихъ степныхъ мѣстностяхъ коренной Россіи, а рыболовство и добываніе соли. Въ Астраханской губерніи находится не мало соляныхъ озеръ, изъ которыхъ самыми замѣчательными считаются Баскунчакское и Эльтонъ. Значительно развито также скотоводство, которымъ особенно усердно занимаются калмыки и киргизы. Нужно упомянуть также о бахчеводствѣ, т. е. разведеніи арбузовъ. Астраханскіе арбузы имѣютъ громадный сбытъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Разводятъ также табакъ, но этотъ промыселъ не имѣетъ особеннаго развитія.

Такъ какъ главнымъ занятіемъ населенія является рыбный промыселъ, то о немъ нужно сказать подробнѣе. Въ Волгѣ ловятъ преимущественно сельдь и воблу, въ морѣ же—красную рыбу, т. е. бѣлугу, осетра, севрюгу. Много ловится также шипа, леща, стерляди,

судака, бѣлорыбицы. Въ рѣкѣ ловятъ плавной сѣтью. Волжскій неводъ бываетъ очень великъ — иногда до версты и больше въ длину и до пятнадцати саженей въ ширину. Плавная сѣть вдвое меньше этого невода и во время лова поддерживается за одинъ конецъ ловцомъ, который плыветъ въ лодкѣ, другой же конецъ прикрѣпленъ къ особому боченку — поплавку. Нѣсколько меньшихъ поплавковъ поддерживаютъ край сѣти на водѣ и помогаютъ ей свободно передвигаться по теченію. Рыба идетъ вверхъ по рѣкѣ, т. е. противъ теченія, и попадаетъ въ сѣть.

Для ловли рыбы въ морѣ употребляется такъ называемая ставная сѣть, въ длину саженей пятнадцать и съ десятками двумя ячей. Такую сѣть удерживаютъ небольшими кольями, вбиваемыми въ дно моря въ неглубокомъ мѣстѣ. Затѣмъ устанавливаютъ такъ-же другую, третью и иной разъ до ста штукъ. Ловятъ рыбу еще на крючковую снасть, которая состоитъ изъ тысячи штукъ желѣзныхъ крючковъ, прикрѣпленыхъ къ тонкимъ поводцамъ. Употребляется также морской неводъ, который по длинѣ не отличается отъ рѣчнаго, но у́же его почти вдвое.

На большихъ глубинахъ ловятъ рыбу (исключительно бѣлугу) такъ называемою живод-

ною снастью. Этотъ ловъ производится на глубинѣ, доходящей до сотни саженъ. Живодная снасть состоитъ изъ толстыхъ крючьевъ, привязанныхъ къ хребтинѣ, т. е. къ толстому канату. Хребтину опускаютъ на дно моря, при помощи якорей, навязанныхъ на длинныя бичевки. Въ длину снасть достигаетъ болѣе четырехъ верстъ. На каждый крюкъ насаживается приманка, живая рыба, преимущественно тарань. Эту рыбу употребляемую для приманки, держатъ на ловецкихъ судахъ въ большомъ чанѣ, въ который постепенно накачивается насосами вода, а лишняя сбѣгаетъ по рукаву.

Пойманную рыбу везутъ на мѣсто, гдѣ ее сортируютъ и солятъ. Это мѣсто называется «промыселъ». Каждый сколько нибудь благоустроенный промыселъ имѣетъ слѣдующія необходимыя сооруженія: прежде всего—плотъ, устраиваемый на сваяхъ и представляющій собою помостъ изъ толстыхъ досокъ, закрытый досчатыми (иногда камышевыми) стѣнами и такою же крышей. Лодки, возвращающіяся съ лова, пристаютъ къ плоту и выбрасываютъ на него пойманную рыбу. Тутъ же начинаютъ разбирать ее по сортамъ и рѣзать, а затѣмъ увозятъ на тачкахъ въ особое помѣщеніе, гдѣ солятъ рыбу. Помѣщеніе для посола рыбы состоитъ изъ врытыхъ въ землю деревянныхъ

посудинъ, круглыхъ «чановъ» или четырехъугольныхъ «ларей». Надъ этими посудинами устраивается или такъ называемый «лабазъ», изъ досокъ, служащій для закрытія ихъ со всѣхъ сторонъ, или же «выходъ», съ сводообразною крышею, обложенной снаружи толстымъ слоемъ земли. Съ трехъ сторонъ въ «выходѣ» имѣются помѣщенія, наполненыя льдомъ. «Выходъ»—необходимая принадлежность благоустроеннаго промысла, и только бѣднѣйшіе промышленники ограничиваются устройствомъ на своихъ промыслахъ «лабазовъ», безъ ледниковъ.

Соленіе рыбы производится слѣдующимъ образомъ. Дно посуды (чана или ларя) засыпается слоемъ соли; затѣмъ накладываютъ туда ряды рыбы и ихъ точно также пересыпаютъ солью. Изъ тѣла рыбы выдѣляется жидкость, въ которой растворяется соль. Полученная такимъ образомъ жидкость называется «*тузлукомъ*». Въ «тузлукѣ» рыба держится, въ зависимости отъ сорта, отъ трехъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Нѣкоторые сорта рыбы солятся въ готовомъ уже тузлукѣ. Такъ послѣ посола селедки, которой особенно много ловится на астраханскихъ промыслахъ, въ полученной отъ нея тузлукъ, прибавивъ немного соли, кладутъ для соленія воблу.

Соленіе рыбы самый лучшій способъ ея со-

храненія. Другіе способы и трудны, и дороги. Еслибы начали пользоваться ими, то бѣдные люди оказались бы не въ состояніи пріобрѣтать рыбу, которую они пріобрѣтаютъ теперь въ соленомъ видѣ за недорогую цѣну. Скажемъ теперь два слова о томъ, какъ приготовляются балыкъ и икра. Балыкъ,—это спинка рыбы, которую солятъ, нѣсколько вымочивъ, а затѣмъ сушатъ на солнцѣ и вялятъ. Къ соли прибавляютъ небольшое количество селитры, вслѣдствіе чего балыкъ получаетъ свой красноватый цвѣтъ. Икра приготовляется такимъ образомъ. Берутъ сѣть съ мелкими ячейками и натягиваютъ ее на рамку, а подъ нею ставятъ посуду. На сѣть кладутъ вынутую изъ рыбы икру и пропускаютъ черезъ ячейки, чтобы отдѣлить слизистыя и жировыя части. Икринки, падающія въ сосудъ, подставленный подъ сѣть, перемѣшиваются съ солью. потомъ выкладываются на рѣшета, чтобы съ икры стекла жидкость, а затѣмъ съ рѣшетъ перемѣщаются въ боченки. Приготовленная такимъ образомъ икра носитъ названіе *свѣжей*. Чтобы приготовить паюсную, надо солить икру въ соленомъ растворѣ, предварительно прокипяченномъ. Эту икру, снимая съ рѣшетъ, перекладываютъ въ кули и прессуютъ, чтобы насколько возможно выжать изъ нея тузлукъ. Послѣ этого уже со-

вершенно готовую паюсную икру кладутъ въ боченки, выстланные холстомъ. Рыбный товаръ, приготовляемый въ Астрахани, расходится по всей Россіи и идетъ также заграницу. Водою везутъ рыбу въ Нижній Новгородъ на ярмарку; отсюда, съ ярмарки, рыба отправляется въ Москву, въ Петербургъ, и другія мѣста Россіи. Изъ Астрахани рыбу везутъ за границу водой до Царицына, а потомъ по желѣзнымъ дорогамъ. Чтобы показать, какъ много ловится въ Астраханской губерніи рыбы, возьмемъ для примѣра одни только промыслы, принадлежащіе Хлѣбникову. На три Хлѣбниковскихъ промысла въ 1890 году было доставлено улова: 240 бѣлугъ, 1,400 осетровъ, 5,500 штукъ стерлядей, 2,750 штукъ бѣлорыбицъ, 20,000 сомовъ; 1,400,000 судаковъ, 14,000 щукъ, 210,000 лещей, 8.000,000 воблы, 250,000,000 селедки, и т. д. и т. д. На этихъ промыслахъ весною работало тысяча тридцать мужчинъ, семьсотъ двадцать женщинъ и семьдесятъ пять дѣтей. Къ осени составъ рабочихъ былъ, конечно, меньше, зимою еще меньше, но все-таки и самое меньшее число рабочихъ равнялось двумъ стамъ человѣкъ. Платится имъ помѣсячно,—мущинамъ двѣнадцать рублей, женщинамъ восемь. Соли на посолъ пойманной въ 1890 году рыбы Хлѣбниковскіе промыслы употребили 285,000 пудовъ. Правда,

Хлѣбниковскіе промыслы одни изъ лучшихъ въ Астраханской губерніи, но кромѣ нихъ существуетъ еще много большихъ промысловъ и не мало мелкихъ. Всѣхъ промысловъ рѣчныхъ считается 313, а морскихъ 326. По разсчету казны доходность рѣчныхъ промысловъ опредѣляется въ сумму полтора милліона рублей.

Слѣдующимъ послѣ рыболовства промысломъ является добываніе соли. Мы уже знаемъ, какую необходимость въ соли имѣютъ рыболовы и потому легко понять, что легкость соледобыванія и широкіе размѣры его въ Астраханской губернія очень благопріятны для процвѣтанія здѣсь рыбнаго дѣла. Соляныхъ озеръ въ Астраханской губерніи очень много. Особенно же славится Баскунчакское озеро, на которомъ работаетъ до пяти тысячъ народу. На всѣхъ астраханскихъ озерахъ добывается въ годъ около двадцати милліоновъ пудовъ соли и изъ этого количества около пятнадцати милліоновъ приходится на долю Баскунчакскаго озера. Послѣ того, какъ соль добудутъ изъ воды, ее нужно молоть. Для этой цѣли въ Астраханской губерніи устроено нѣсколько мельницъ, большею частію паровыхъ.

Мы уже говорили, что Астраханская губернія—губернія степная, что жители ея мало занимаются земледѣліемъ, а больше скотовод-

